

Самотловский МАРАФОН

Виктор Федотов

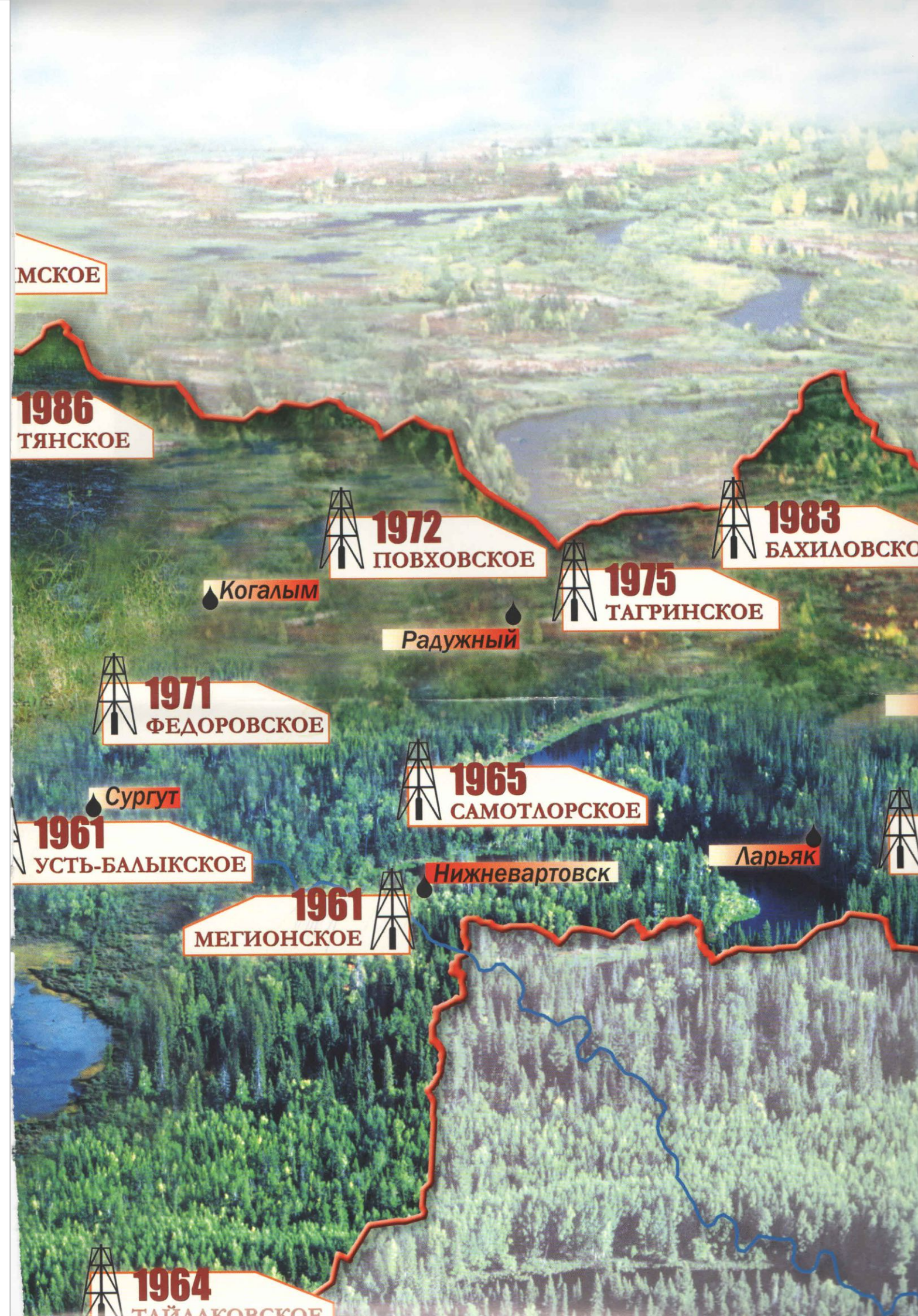
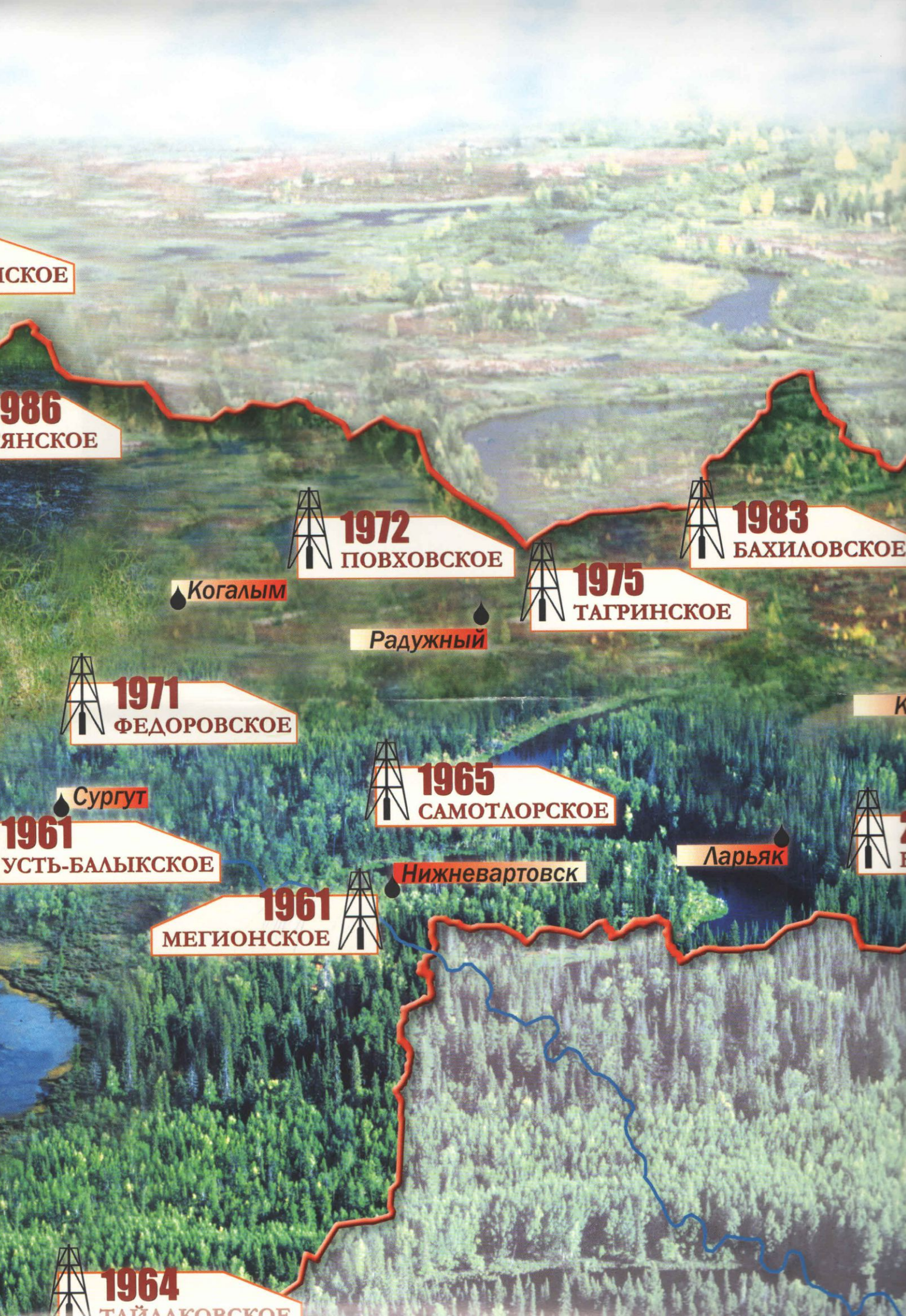
САМОТЛОВСКИЙ МАРАФОН

ФЕДОВ ВИКТОР

ПОКОРИТЕЛЯМ
САМОТЛОВА

Содержание

I глава - Долгая дорога на Самотлор.....	3
II глава - Лобовая атака на Самотлор.....	10
III глава - Буровики Самотлора.....	13
IV глава - Три гроссмейстера Самотлора.....	45
V глава - Возвращение на Самотлор.....	49
VI глава - Самотлорский марафон.....	52

Автор-ветеран-геологоразведчик, член Союза журналистов России, Виктор Федотов написал воспоминания о работе на Самотлоре, о людях, с кем сталкивала его судьба. Это довольно интересное повествование о жизни, быте, людях, которые в труднейших условиях работали над открытием и созданием нефтяного комплекса Самотлора - "черной жемчужине" Сибири.

Автор остро чувствует время, в котором он жил и продолжает жить, дает нам возможность окунуться в прошлое: ветеранам напомнить, как это было, молодежи - понять, какая цена уплачена, чтобы край Западной Сибири превратился в высокоразвитую территорию России.

Параллельно, что очень актуально, многие вели здоровый образ жизни, занимаясь физкультурой и спортом. И не случайно автор, которому под семьдесят лет, поныне в спортивном строю, победитель и призер многих марафонских забегов в России и за рубежом.

Кондрякова Галина Владимировна —

Член Союза журналистов России, писатель, краевед.

Самотлорский марафон

Виктор Федотов.

Посвящается 50-летию открытия Самотлорского месторождения нефти.

г. Мегион, 2015 г.

I Долгая дорога на Самотлор

29 мая 1965 года я защищал дипломный проект после четырехгодичной учебы в Бугурусланском нефтяном техникуме. Районный городок нефтяников, что в Оренбургской (ранее Чкаловской) области располагался на холмистых берегах реки Кинель и утопал в весенних запахах черемухи, сирени и акаций.

Бугуруслан - родоначальник нефтяного района "Второго Баку" - так стали называть Оренбуржье, Татарию и Башкирию за крупные месторождения нефти. Еще в 1937 году скважина в Бугуруслане дала первую нефть. Участником тех событий был и мой отец Алексей Кузьмич, работавший участковым механиком по нефтяному оборудованию. С 1910 года началась наша трудовая династия нефтяников Федотовых. Основателем ее был старший брат моего отца Иван Кузьмич - мой дядя.

После окончания Петербургского горного института еще до революции, он работал у Нобеля на Бакинских нефтепромыслах, после революции в Краснодаре, Казахстане.

После научных выводов академика Губкина Ивана Михайловича, что в недрах Сибири есть нефть, первые экспедиции направлялись туда для проведения разведочных работ.

В 1934-36 годах в районе Сургута по устью реки Большой Юган бурила неглубокие скважины на нефть экспедиция Васильева Виктора Григорьевича.

Моего дядю Ивана Кузьмича, работавшего управляющим Эмбинского нефтепромысла в Гурьевской области Казахстана, за отказ ехать с семьей в Сибирь (два малолетних ребенка) в 1936 году признали врагом народа и насильно репрессировали. Жена с детьми вернулась в Ленинград не в свой бывший дом, а в коммунальную комнату с кухней на три семьи, а следы Ивана Кузьмича бесследно затерялись в то темное время — то ли расстреляли, то ли скончался в тяжелейших условиях Сибирских лагерей. Мой отец, не дожидаясь продолжения репрессий со стороны властей, с семьей детьми переехал в Бугуруслан.

Еще в Гражданскую войну он, будучи конармейцем в легендарной 25-ой дивизии Чапаева, махал шашкой, освобождая те районы от белогвардейцев. Имея восемь детей и добывая нефть для Победы, не смотря на бронь, он добровольно уходит на фронт и пройдя боевой путь от Москвы до Берлина возвращается домой с четырьмя орденами и множеством медалей на груди в звании старшины разведроты.

В честь Победы и меня, родившегося сразу после войны, назвали Виктором (по латыни - победитель), а еще самого младшего - десятого в семье Владимиром. Матушке - Дарье Алексеевне от имени Верховного Совета СССР торжественно вручили золотую звезду "Мать-героиня".

Все десять получили среднее и среднетехническое образование, а трое закончили нефтяные ВУЗы, в том числе мы - два брата: старший Анатолий и я - стали продолжателями трудовой династии. Мой сын Алексей продолжает более чем вековую династию нефтяников, работая начальником отдела в ОАО «Газпром» в Сургуте. Надеемся, что и наш внук Ярослав в шестом поколении продолжит славные традиции рода Федотовых.

А в те, пятидесятилетней давности весенние вечера мы - дворовые мальчишки-юноши замороженно под светом луны и сиянием звезд слушали романтические рассказы о геологоразведке в сибирской тайге. Рассказчиком был дизелист буровой бригады из Мегионской нефтеразведочной экспедиции Борис Никаноров. Он заочно учился в нашем нефтяном техникуме и, приезжая на сессии в Бугуруслан, останавливался проживать в нашем доме.

В тот же день — 29 мая он вместе с нами защитил дипломный проект. Вечером, как всегда в его приезды, мы собирались в придомовом саду на лавочке и вдыхали аромат его цветения. На этот раз Борис немного задержался на телеграфе, принимая телефонные поздравления от семьи и друзей по работе по поводу успешной защиты. Придя в наш молодежный круг, он радостно и торжественно сообщил, что Мегионская геологоразведка совершила сегодня выдающееся для масштабов страны открытие: пробуренная скважина Р-1 на Самотлорской площади дала фонтан нефти с дебитом свыше 1000 тонн в сутки!

С нашей стороны прозвучало громогласное «Ура!» и мы, четверо выпускников техникума, заявили, что едем с Борисом на Самотлор. Правду сказать, такая мысль созрела у нас и раньше, но мы боялись ее высказать, в особенности своим родителям.

Но все в свое время становится явью.

На наше «Ура!» во двор вышли родители и, узнав мое решение, прослезились.

В их сознании не угасли еще горестные впечатления тех смутных годов репрессии, когда людей тысячами отправляли в Сибирские лагеря, может быть и навсегда. А тут добровольно молодые специалисты собрались уезжать и осваивать Сибирь. Они так же как и мы по рассказам Бориса знали, что в маленьком поселке Мегион из 1200 жителей 400 были условно-освобожденные заключенные, свободно проживающие и работающие вместе с геологами. Это обстоятельство настораживало, но Борис заверил, что взаимоотношения с заключенными доброжелательные и особых конфликтов в поселке не было.

Они в основном работали в тайге на лесоповале и строили из бруса дома для прибывающих на север нефтяников.

Переселение нефтяников в перспективные регионы Западной Сибири началось массовым потоком. Открытие месторождений в районах Березово, Шаима, Мегиона, Нефтеюганска, Сургута, организация Главка в Тюмени под руководством Виктора Ивановича Муравленко, первых нефтегазодобывающих (НГДУ) и буровых управлений (УБР), отправка первой нефти баржами на Омский нефтеперерабатывающий завод (1964 г.) требовали притока на Север опытных и молодых специалистов. Все рвались в Тюмень — кто временно за «длинным рублем», кто по комсомольским путевкам, кто по направлению после окончания техникумов и ВУЗов.

Через неделю после защиты и выдачи дипломов состоялось распределение выпускников по нефтяным регионам СССР.

Из нашей группы механиков по нефтяному оборудованию третья часть, а это десять молодых восемнадцатилетних специалистов, направлялись в Главтюменьнефтегаз — шесть, а в Главтюменьгеологию — четыре.

Чтобы попасть в число первых на распределение всю ночь дежурили около закрытых дверей техникума. В первую пятерку я и попал.

Не используя предоставленный после окончания техникума отдых, некоторые выпускники сразу разъехались по местам работы.

19 июня 1965 года нас, четырех выпускников техникума, с железнодорожного вокзала провожали в долгую дорогу родители, друзья детства и юности. Теперь мы вышли на самостоятельную дорогу жизни: Александр Дерягин, Юрий Ларин, Николай Гаврилов и я. В походной сумке сухой поек: шматок сала, булка черного хлеба, лук и чеснок, редиска и первые огурцы, да пара банок консервов. Еще традиционные для дороги чай и сахар. Так как занимался спортом, поместились в сумке спортивный костюм с кедами, коньки и теннисная ракетка с шариками.

Из окна поезда прощались с родными до боли местами нашего детства и юности, местами, где ходили в походы, ездили на велосипедах и мотоциклах на рыбалку. Только через сто километров пути пошли незнакомые пейзажи. Сначала Башкирия и ее столица Уфа на реке Белой, Челябинск, перевалили за Уральские горы, Свердловск и через двое суток прибыли в Тюмень. Областной центр представлял небольшой по сравнению с Куйбышевым, где мы частенько бывали на футбольных матчах команды высшей лиги «Крылья Советов», город с населением около 300 тысяч. Несколько центральных улиц с деревянными окраинами и строящимся микрорайоном пятиэтажных домов.

Почти сразу от центральной площади расходились старинные улочки с покосившимися домами, тротуарами из досок. Также досками были крыты крыши с растущим на них мхом и грибами. Вообще, как тогда поговаривали, «Тюмень — столица деревень».

В Главтюменьгеологии, которая располагалась на центральной улице Республики возле площади с памятником Ленину, нас распределял по экспедициям сам Эрвье Юрий Георгиевич, с Золотой звездой Героя социалистического труда на лацкане пиджака. Он лично разговаривал с каждым прибывшим молодым специалистом. Я выразил желание работать в Мегионской нефтеразведочной экспедиции, что за тысячу километров строго на Север от Тюмени. Юрий Георгиевич попросил прояснить причину такого выбора. Я назвал несколько знакомых по рассказам Бориса Никанорова фамилий опытных геологов, работающих в экспедиции и открывших там нефтяные месторождения, включая самое последнее — Самотлорское. Спросил он и о моих родителях. Я вкратце рассказал о нашей семейной трудовой династии нефтяников и что родители уже на пенсии, а матушка имеет на груди такую же Золотую звезду, только «Матери-героини».

Он был восхищен и утвердительно произнес, что это звание достойнее, чем его звание Героя труда. Ночевали в общежитии ГПТУ №7 — кузнице рабочих кадров для северных экспедиций.

На следующий день собравшаяся солидная группа молодых специалистов заполнила более чем наполовину автобус ПАЗик и выехала в город Тобольск. Железная дорога от Тюмени на Север только начала строиться, на самолет АН-2 (кукурузник) мест не хватило, а водным путем на двухпалубном теплоходе «Омик» было очень долго плыть. За целый день с утра до вечера добрались-таки до Тобольска, преодолевая на пароме несколько рек. От речного вокзала на высоком берегу Тобола просматривался огромный старинный каменный Тобольский кремль. В XVI-XIX веках Тобольск был центром Сибири, присоединенный к России Ермаком. Много знаменитых личностей связано с историей древнего города: это и Менделеев Дмитрий Иванович — открыватель и создатель Периодической системы химических элементов, Ершов Петр Павлович — русский писатель-сказочник («Конек-Горбунук» и другие); композитор Алябьев Александр Александрович; Ремезов Семен Ульянович — художник и писатель. В Тобольск были сосланы, проживали и похоронены декабристы: Муравьев, Кюхельбекер, Барятинский и другие. В свое время ссыльными в Тобольске проживали Федор Достоевский и Николай Чернышевский.

Много исторических событий связано с губернским Тобольском. Более десятка раз за свою жизнь я побывал в Тобольске и каждый раз открывал что-то новое для себя.

Рано утром на быстроходном теплоходе на подводных крыльях «Ракета» отплыли вниз по течению Иртыша дальше на Север.

На полпути к Ханты-Мансийску причалили к пристани поселка геологоразведчиков и лесозаготовителей Горноправдинск.

С крутого берега от двухэтажной конторы Правдинской нефтеразведочной экспедиции под бравурную музыку марша «Прощание Славянки» по тропинке мчался к пристани лихой кавказец с развивающимся от ветра черным чубом волос. От прибывших на «Ракете» местных жителей мы узнали, что это легендарный геологоразведчик-первопроходец из Азербайджана, начальник экспедиции — Фарман Курбан-Оглы Салманов. Так он встречал молодых специалистов, пожимая всем руки. Небольшая группа бывших студентов сошла на берег. В их числе остался работать в Правдинской нефтеразведке и выпускник нашего Бугурусланского техникума Александр Дерягин. За многие годы работы он профессионально вырос до главного механика экспедиции, а затем и до главного механика объединения «Хантымансийскнефтегазгеология». Он заочно окончил Тюменский индустриальный институт и спустя пятьдесят лет в настоящее время живет и продолжает работать в городе Ханты-Мансийске.

Ну а Салманов тогда приглашал и нас оставаться в Горноправдинске, утверждая, что работы всем хватит, и он был большой оптимист. Открытые им месторождения эксплуатируются и поныне, а запасов нефти в перспективной для разработки Баженовской свите хватит, по его убеждению, на сотни лет.

За эти открытия будущему начальнику Главтюменьгеологии и замминистра геологии СССР - Фарману Салманову в 1966 году присвоили звание Героя социалистического труда с вручением Золотой звезды.

К Ханты-Мансийску на слиянии Иртыша с Обью подплыли поздно вечером. В маленькой гостинице на пристани всем пассажирам «Ракеты» мест не хватило. Молодежь расположилась на скамейках в зале ожидания. С берега доносилась танцевальная музыка и мы, ориентируясь на нее, отправились по улочкам с домами из вековых стволов кедра и сосны. В березовом парке на деревянной площадке танцевала молодежь. Из репродуктора с высокого столба лилась музыка. По краям площадки стояли длинные скамейки, а в середине столбы под волейбольную сетку. Между двух берез было натянуто белое полотно для показа кино. Когда немного стемнело, скамейки были расставлены по площадке и начался кинофильм под открытым небом.

Все просто — днем волейбол, а вечером танцы и кино. И это все развлечения для молодежи в окружной столице с десятью тысячами жителей, 50% которых составляли местные аборигены — ханты и манси.

Сегодня, пятьдесят лет спустя, это современный по Европейским меркам город со стотысячным населением. Местных аборигенов больше не стало, также в пределах пяти тысяч.

Подремав остаток короткой ночи на скамейках качающейся на волнах пристани, утром вверх по Оби поплыли к следующему пункту ночевки — Сургуту. День нашего прибытия в Сургут совпал с днем присвоения ему статуса города окружного подчинения — 25 июня 1965 года.

Сургут известен истории с 1594 года как казачий сторожевой форпост со времен присоединения Сибири атаманом Ермаком.

До прихода в Сургут геологоразведчиков (1957 год) местные жители занимались рыболовством, заготовкой леса, охотой, сбором даров тайги (грибы, ягоды, кедровые орехи). После открытия в 1961-63 годах нефтяных месторождений рабочий поселок быстрыми темпами стал превращаться в нефтяную столицу Сибири. В 1964 году были созданы НГДУ и УБР и первая нефть пошла баржами в Омск. Население составляло около двенадцати тысяч человек.

В Сургуте остался второй наш выпускник техникума — Юрий Ларин. Он прошел производственный путь от оператора по добыче нефти до заместителя начальника крупнейшего в России НГДУ «Федоровскнефть».

Наступил вечер, но в Сургуте совсем светло и можно на улице читать газету.

Продуктовые запасы съедены и в желудке подсасывало. Единственное место, где мы могли подкрепиться — это ресторан «Сибирь» на берегу Оби.

Ресторан нас встретил заезженной патефонной пластинкой с песней Лидии Руслановой о приглашении в далекий сибирский край Тюмени, где вас гостеприимно накормят пельменями. Ничего не оставалось делать, как заказать по две порции сибирских пельменей с уксусом и перцем. В ожидании заказа мы любовались из окна на просторы разлившейся в половодье широкой Оби. За полночь, все так же светлую, мы вернулись на пристань, где на этот раз в гостинице достались спальные места. Утром предстоял последний этап нашего приближения к Самотлору — в рабочий поселок Мегион.

Наконец-таки 26 июня, на восьмой день дороги, к вечеру мы с Николаем Гавриловым прибыли на место назначения нашей работы. На берегу протоки Оби Мега стояла символическая буровая вышка — макет с надписью на ней — 48000 метров. Это был годовой план проходки разведочных скважин для четырех буровых бригад — шестнадцать скважин глубиной 3000 метров каждая. Тут же рядом двухэтажная контора Мегионской нефтеразведочной экспедиции. В конторе находился только один радист, отстукивающий морзянкой суточную сводку ведения разведочных работ в Главк.

Он предложил переночевать в конторе на лавке, предупредив, что в поселке свободно находятся заключенные. То ли напугать нас хотел, то ли остаться с нами коротать ночь и услышать новости с «большой земли». Мы вышли с Николаем на крыльцо. Он курил, а я как-то и не научился, занимаясь спортом в техникуме. От пристани шла, нагруженная отпускными вещами, семья бурового мастера Малыгина Семена Лукича, с которым мы познакомились в «Ракете» по пути следования.

Мы были налегке и предложили им помочь. Жили они недалеко от конторы в отдельном рубленном из толстых бревен доме.

Семен Лукич и Мария Федоровна — его супруга, оставили нас на ночевку.

«А заключенных не бойтесь - сказал Малыгин - если к ним с доброй душой, то и они к вам отзовутся добром».

На лежанке-топчане, откидывающимся от стенки на ночь к русской печке, мы вместе с младшим Малыгиным — Сережкой спали без задних ног. Через пять лет я с Сергеем Малыгиным начали грызть гранит буровицкой науки, учась в Тюменском индустриальном институте.

В семь часов утра прибыли в контору экспедиции. Несмотря на то, что рабочий день начинался в восемь, уже в шесть утра принималась сводка с объектов работ — скважин, а в шесть тридцать начиналась ежедневная планерка у начальника. В комнате за длинным столом сидели трое мужчин, склонившихся над геологической картой Самотлорского месторождения и размотанными по столу каротажными диаграммами-лентами. Стройный интеллигентный и при галстуке, на вид лет сорока, мужчина горячо что-то доказывал сидящему во главе стола начальнику экспедиции. Нам он предложил присесть на расположенные вдоль стены стулья.

Мы с Николаем, оробев, слушали немного понятную для нас аббревиатуру сленга геологических слов. Через несколько минут, закончив полемику принятием конкретного решения, они представились нам с пожатием рук. Горячо отстаивающий свою позицию был главным геологом — Модест Федорович Синюткин. Моложавый круглолицый крепыш — начальник производственного отдела Степан Леонидович Каталкин и начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции — Владимир Алексеевич Абазаров.

Абазаров после окончания в 1954 году Грозненского нефтяного института работал в Краснодаре, Волгограде, а с 1960 года главным инженером Березовской геологоразведочной экспедиции.

После открытия Мегионского месторождения нефти (20 марта 1961 года) участок бурения на Багресе был выделен из состава Сургутской НРЭ и 25 декабря 1961 года приказом по Главгеологии РСФСР преобразован в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Начальником МНРЭ назначили Абазарова, главным геологом Синюткина, а главным инженером Позднякова Петра Степановича.

В кабинете начальника состоялось короткое собеседование с корифеями геологии, открывшими не одно месторождение нефти, в том числе месяцем раньше и Самотлорское, за что позднее всех наградили высокими правительственными наградами: Абазарова В.А — орденом Ленина и лауреат Ленинской премии, Синюткина М.Ф — орденом Ленина, Каталкина С.Л — орденом Трудового Красного Знамени.

Добрые слова напутствия от них — и мы уже в отделе кадров. Начальник заполнила анкету, забрала дипломы и при нас закрыла их в железном сейфе.

«Чтобы не потеряли» - сказала она с усмешкой.

Этот жест кадровика стоил мне пяти лет ожидания права на поступление в институт. А как хотелось быстрее получить высшее образование, не отставать от старшего брата Анатолия, закончившего Московский институт нефти и газа имени Губкина И.М. и работавшего механиком в соседней Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Поступив в распоряжение главного механика Капиша Абраева, поспешили поселиться в общежитии — одноэтажном здании барачного типа из бруса. Комната четыре на пять метров с двухъярусными железными кроватями на восемь человек, стол, четыре тумбочки, четыре табуретки, вешалки на стене для рабочей и повседневной одежды.

В углу умывальник с ведром. Холодный туалет на улице в пятидесяти метрах от общежития. От первого впечатления меня охватило унылое настроение, которое сразу же развеял молодой специалист - геолог Валентин Гавриков. Он приехал неделей раньше после окончания Львовского политехнического института. Сын военного полковника, культурно воспитанный, владеющим английским и музыкой на пианино, он создавал в нашей комнате такую простую и душевную атмосферу, что забывались все трудности вдали от родного дома. Позднее Гавриков Валентин Андреевич стал опытным геологом, генеральным директором объединений «Мегионнефтегазгеология», «Новосибирскнефтегазгеология». Север для таких людей интеллектуального склада ума (его жена Джемма Михайловна — начальник геологического отдела) был серьезным и тяжелым испытанием. Они прожили недолгую, но яркую, как комета, жизнь и рано ушли из нее почти одновременно (в 47 лет), как два лебедя, не живущих поодиночке.

Их именем названо одно из месторождений нефти - Гавриковское.

Валентин Андреевич за громадный вклад в открытие месторождений награжден орденами Трудового Красного знамени, «Знак Почета», многими другими знаками и медалями, в том числе самым почетным для геологов — «Первооткрыватель месторождения».

После общения с Валентином, как на крыльях, полетел в ремонтно-механические мастерские, где Капиш Абраев определил меня в звено слесарей-ремонтников бурового оборудования под опеку механика Анатолия Кузменкина.

Капиш Абраев — участник Великой Отечественной войны, вырос как практик от дизелиста до механика, а после окончания курсов механиков по машинам и оборудованию, работал в нефтеразведках инженером-механиком. При создании Мегионской НРЭ был назначен главным механиком.

Зимой 1965 года руководил работами по прокладке дороги на Самотлор и заводу туда первой буровой установки на скважину — первооткрывательницу месторождения.

Первые летние месяцы в мехцехе я, слесарем четвертого разряда, ремонтировал буровое оборудование, крутил гайки, болты и винты ключами от 9 x 11 мм. до 55 x 65 мм. с рычагом в три метра. Особенно потруился на ремонте старых буровых насосов У8-З, весом под двадцать тонн. Запчасти этого насоса, находящегося под открытым небом, приходилось поднимать талькой-полиспастом грузоподъемностью полторы тонны, установленной на треноге.

Научились изготавливать кустарным способом электроды для сварки металла. Почему-то всегда в нефтеразведке, особенно монтажникам, не хватало заводских электродов.

А делалось это по рационализации местных умельцев таким способом: рубили из проволоки-катанки диаметром 5-8 мм. пруты длиной 40-50 см. Из зубного порошка (его завозили на Север с избытком для предупреждения кариеса и цинги) с добавлением мела готовили густую пасту. Несколько раз для образования толстого слоя опускали туда прутья и ставили вертикально под солнышко сушить. Длительный процесс занимал целую неделю, но электроды выходили вполне подходящие для сварки не особо опасных конструкций и трубопроводов с малым давлением.

Два раза с звеном ремонтников выезжали на скважину Ватинского месторождения, куда была летняя дорога по гривкам (сухим местам) вдоль протоки Мега. Но я же ехал в Сибирь — работать на Самотлоре и не терпелось скорее попасть на первую скважину, где требовался ремонт оборудования перед бурением второй скважины.

Но не тут-то было... Как говорит пословица: «Близок локоток, да не укусишь».

Все работы на Самотлоре были «законсервированы» до наступления холодов и прокладки по неприступным болотам зимней дороги.

До наступления холодов речники на баржах из Тюмени, Новосибирска старались как можно больше завезти единственным речным путем оборудование, трубы, материалы (цемент, глина, химреагенты) и ГСМ для работы в зимних условиях до наступления следующей речной навигации. Продукты тоже завозили по воде на целый год. Так что осенью мы почти месяц вместе с конторскими работниками трудились на разгрузке барж и складировании. Перелопатили, правда без лопат, десятки тонн картофеля, капусты, свеклы, моркови, лука и чеснока.

Но самое тяжелое — это разгрузка и складирование в холодных сараях из горбыля цемента, глины и химреагентов. Все это было в мешках весом от 30 до 50 кг. Плечи и поясницу ломало от такой работы, а ноги отказывались идти от баржи в гору на склад.

Кряжистые сибиряки-буровики подбадривали нас — молодых неоперившихся мышцами специалистов, показывая силу, выносливость и сноровку. Некоторым (запомнилась фамилия кузнеца-молотобойца — Русских) клали два мешка цемента по 50 кг. каждый на спину и они шли вверх по склону до склада без отдыха. Капитаны и моряки с катеров и барж торопили нас и сами вставали гуськом на разгрузку. Надо было до ледостава, иногда по шуге, уйти с Севера назад до места базирования флота. Бывало из-за ранней зимы груженные баржи не доходили до потребителя, вмерзая в лед, и уже позднее, по зимним дорогам тракторными обозами доставляли груз до места назначения.

Резко-континентальный климат и на сей раз застал врасплох речников. Наступила ранняя зима. К середине октября Обь встала.

Но геологи наоборот были довольны — можно раньше накатывать зимние дороги, которые откроют доступ к точкам заложения поисковых и разведочных скважин. Самотлор был в окружении топких болот. К концу октября первые легкие вездеходы на гусеничном ходу типа ГТТ доставили нас — звено ремонтников бурового оборудования на скважину Р-1 Самотлорского месторождения. Вышкомонтажникам предстояло демонтировать буровую установку и перетащить ее на другую точку — скважину Р-9 Самотлор. Мы же — слесари совместно с механиком Анатолием Михайловичем Кузменкиным приступили к ремонту оборудования: насосов, дизелей, компрессоров, редуктора.

Паровой котел запускали только на время бурения, и нам приходилось «дикое железо» немного подогревать паяльными лампами и тряпочными факелами, смачиваемыми в солярке. В труднодоступных местах маленькие болты и гайки наживляли голыми руками. Пальцы обжигало морозом, и кожа сходила с них. Мой отец - механик, еще в детстве обучал нас с Володькой разбирать и собирать моторный велосипед, затем мотороллер, а в шестнадцать лет мы уже могли ремонтировать двигатели и дизель с передвижной электростанцией. Такие же дизели, только V-образные с двенадцатью цилиндрами приводили в движение механизмы буровой установки 5Д.

У них часто прогорали выхлопные коллектора и нужно было заменять их на новые.

Самое трудное было отвернуть их пригоревшее крепление, не сломав ввернутых в головку блока цилиндров винтов. Еще труднее было наживить и закрутить гайки на 14мм, находящиеся в труднодоступном для пальцев месте.

И все это на морозе. Пригоревшее резьбовое соединение перед отворотом смачивали керосином. Для более быстрого ослабления ржавой и пригоревшей резьбы отец научил нас отмачивать ее уксусной эссенцией. Зная эту тонкость, я взял с собой из поселка вместе с продуктами и бутылку уксуса. Дело пошло быстрее, за что меня похвалил Кузменкин. Такое новшество стоило жертв — заживающая кожа пальцев вторично сошла на нет. Трудностей хватило с лишком. Холода и работа на продуваемом ветрами болотном Самотлоре заставляли тепло одеваться, но работать было неловко. Становился неуклюжим, как Карлсон из мультфильма. Если одевались налегке, то мерзли и простужались. Жили в рубленых вагончиках, заготавливая сухостой для топки буржуйки. Спали на деревянных нарах в ватных спальниках.

Утром первому пробудившемуся полагалось растапливать буржуйку. Для ускорения на дрова плескали солярку или наливали ее в пустую консервную банку и ставили в печку.

Шум горячей в банке солянки будил остальных. Столовые - котлопункты в те годы еще не ввели в штатное обслуживание на объектах работ. Продукты на неделю, а то и больше, везли с собой в рюкзаках. Семейные геологи брали с собой из дома картошку и замороженное свежее мясо. Мы же — общежитские затаривались банками тушенки, колбасного фарша, консервов и сгущенного молока. Хлеб брали впрок и хранили его на улице, подвешенным к стенке вагончика.

Чтобы хлеб остался целым, заворачивали в мешковину, иначе белки, сороки и особо наглые птицы - кедровки (мы их называли ронжами) съедали наши запасы. К вечеру обязательно топили баню и парились пихтовыми, без смолы, вениками. Мужички, особенно монтажники, допоздна резались в карты - в преферанс или в «Храп» на деньги.

Рыбаки вязали сеть и провязы, готовя снасти к лету. Я в техникуме занимался под руководством тренера спортом. Физическая закалка и мышцы требовали поддерживать тонус нагрузки. По заснеженному льду озера Самотлор (буровая Р-1 стояла на берегу) вечерами после работы ходил на охотничьих лыжах.

На следующий заезд через неделю взял с собой коньки, расчистил лопатой от снега небольшой в 400 метров круг и по льду озера накручивал километры тренировок. Перед сном залезал в спальник на верхнюю полку и штудировал математику и физику, готовясь поступать в институт следующим летом. Почитывал и соответствующую литературную классику. От такой работы и здорового образа жизни на обдуваемом ветрами Самотлоре больше часа занятий с учебниками не выдерживал и отключался в беспробудный сон.

Закончили ремонт оборудования буровой установки уже на новой точке — скважине Р-9, что в пяти километрах от Р-1.

Заехавшая на скважину буровая бригада мастера-первооткрывателя Самотлора Григория Ивановича Норкина при нас запустила силовые агрегаты-дизели буровой установки. Мастер и дизелисты выразили благодарность нам за качественный ремонт и пригласили меня работать в составе своей бригады.

В следующем 1966 году я стал работать дизелистом в буровой бригаде, но только не Норкина, а Малыгина Семена Лукича.

В Мегионской экспедиции было четыре буровых бригады, еще мастера Хафизова Фаата Закиевича и комсомольско-молодежная бригада Курбатова Анатолия Ивановича.

Первые три бригады возглавляли опытные буровики-практики, прошедшие годы работы, начиная с буровых рабочих и помбуров и окончившие краткосрочные курсы буровых мастеров. Самый молодой, тридцатилетний Анатолий Курбатов, с восемнадцати лет в бурении. Работая бурильщиком в Шаиме в составе буровой бригады мастера Урусова Семена Никитича, стал первооткрывателем Тюменской нефти — 20 июня 1960 года дала промышленную нефть скважина Р-6 Мулымьинской площади. Курбатов А.И. учился заочно и окончил Саратовский нефтяной техникум, а затем и Тюменский индустриальный институт. Опытный инженер-буровик. Он много лет находился на острие геологоразведки, три года работал в заграничной командировке в ГДР, участвовал в ликвидации аварий и открытых фонтанов нефти и газа на многих месторождениях Тюменской области.

Каждая буровая бригада отстаивала своим трудом и высокой квалификацией право бурить скважины на Самотлоре. Это являлось большой ответственностью за порученное дело, дисциплинированностью в соблюдении технологии бурения и техники безопасности.

Долгая дорога на Самотлор окупилась сторицей — месторождение станет самым крупным в СССР. А начиналось все не так просто.

Первопроходцам во все времена великие открытия давались нелегко. И только оптимизм, вера и знания на практике приводили к победам.

II Лобовая атака на Самотлор

Тридцать лет до великого открытия ходили вокруг да около Самотлора.

Географическое название — Самотлор на картах обозначало неглубокое (1-3 метра) озеро в длину 12, в ширину 8 километров. Среди местного населения — аборигенов ханты и манси — оно считалось гиблым местом. «Мертвое озеро» - переводили они. Даже рыба в нем не водилась. Подступы к нему — сплошные болота, которые в зимнее время, покрытые снегом, не промерзали и были недоступными для прохождения тяжелой техники.

По инициативе академика Губкина Ивана Михайловича, научно обосновавшего наличие нефти в Западной Сибири, от треста «Востокнефть» из Уфы в район Средней Оби в 1934 году была направлена для проведения изыскательных буровых работ геологоразведочная экспедиция. Работами этой Обь-Иртышской экспедиции, вплоть до войны, руководили Васильев Виктор Григорьевич, Гуголь Родион Фомич и Домбровский В.Ф. Ручным способом бурили неглубокие (до 50 метров) скважины, которые подтвердили выходы следов нефти, но требовались детальные геологоразведочные работы на большие глубины. Планомерный поиск начался в пятидесятые годы, когда были начаты бурением первые глубокие опорные скважины. Тяжелое буровое оборудование ставили на доступных местах около рек.

В 1951 году самая близкая к Самотлору скважина (около 100 км.) бурилась на берегу Оби в селе Покур под руководством бурового мастера из Колпашево Лагутина Виктора Павловича. При забое 2360 метров произошла авария с трубами. Скважину, не добурив, ликвидировали. Результатов не получили. Геологоразведчики вернулись в Среднее Приобье только после открытия газовых месторождений в Березово. От Сургутской нефтеразведки, совсем недалеко (около 30 км.) от Самотлора, в поселке Баграс 20 марта 1961 года из скважины №1 Мегионской площади, пробуренной бригадой мастера Норкина Григория Ивановича с глубины 2125 метров был получен мощный фонтан нефти дебитом 288 тонн в сутки. Это была первая промышленная нефть Среднего Приобья.

Буровая партия на Баграсе, которой руководил фронтовик Высочинский Иван Яковлевич, в конце 1961 года была преобразована в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию, начальником которой назначили Абазарова Владимира Алексеевича.

С 1962 года начал благоустраиваться рабочий поселок Мегион — плацдарм наступления на неприступный Самотлор. На подступах к Самотлору, за период 1962-65 годов были открыты Ватинское, Мыхпайское, Аганское, Северо-Покурское месторождения нефти.

Этим открытиям предшествовала огромная работа полевых топографических и сейсмогеофизических отрядов и партий.

Изученность разрезов земной коры данными полевой сейсмогеофизики была слабой.

В пятидесятых годах эти работы проводились под руководством геофизического треста из Новосибирского, а с 1959 года из Тюменского геологического управления.

С января 1965 года в Среднем Приобье геофизика была приближена к месторождениям с организацией геофизического треста в Ханты-Мансийске. Первыми топографическими отрядами и геодезической партией ГП-49 в Сургуте руководил Гомберг Александр Иосипович, начинавший работать еще в 1951 году после окончания Саратовского геологоразведочного техникума. С 1976 года по совместной работе я знаком с Александром Иосиповичем и его полевыми топографами, трассировавшими для нас буровиков дороги по зимникам и отбивавшими точки заложения скважин на местности в тайге. И только при выходе на заслуженный отдых в 1998 году, я увидел на его парадном мундире ордена, медали и знаки отличия. Скромнейший по жизни, знающий и безотказный в работе, интеллигентный и образцовый семьянин, всегда неунывающий, с широкой улыбкой и прищуром из-под очков глаз.

Топографическая съемка — это отображение поверхностного рельефа местности с указанием географических координат по широте и долготе в градусах и отбивка высот по отношению к уровню моря. Этим занимается Гомберг и геодезические отряды топографов (Туговиков В.А., Устюжанин Н.В., Куренной Н.М., Бондарь А.Д., Долгушин С.А., Кирьянов Д.Н., Петров Г.В.).

В непроходимой тайге, на болотах, через озера и реки они прокладывали просеки — сейсмопрофили. Эти просеки должны быть идеально прямыми, независимо от рельефа местности. С топорами и ручными пилами (позднее бензопилами) на оленьих упряжках или пешком, в избушке за трактором или гусеничным тягачом-болотоходом, а то и выброшенные десантом из гидросамолета или вертолета, работники топографических партий пробивали прямые, как стрела профили, неся на себе

треноги, теодолиты и рейки. С собой же несли палатки, спальники, запас продуктов питания, рацию с аккумулятором. В таежной глуши, где медведь — хозяин, снаряжались карабином или ружьем за спиной.

Такие работы на Самотлоре провели в зимний период 1962-63 годов.

Затем по заболоченной на 90% территории Самотлорской площади (первоначально без месторождений спутников 32х40 км.) в зиму 1963-64 годов на подготовленные профили вышли сейсморазведчики. Путем зондирования земной коры, чтобы получить контуры залегания песчаных пластов, к которым в основном приурочиваются залежи нефти, необходимо на поверхности проводить большие объемы работ. Сейсмоволна от источника колебания, уходя вглубь земли, отражается от залегаемых пород обратно, улавливается датчиками, преобразуется и записывается осциллографом на ленте-диаграмме или проявляется на фотоленте. По этим данным интерпретаторами (специалистами по обработке диаграмм) строится структурная карта высот залегания предполагаемого нефтяного пласта.

Нефть или газ, как правило, залегают в верхней купольной части пласта.

В этой-то части геологи стараются отбить точку на поверхности и завезти на это место буровую установку.

Сейсморазведочная партия Кабаева Леонида Николаевича и входящие в нее отряды В.А. Шагандина и М.Н. Черкасова в зиму 1963-64 годов проводили конкретные работы по выявлению поднятия на Самотлорской площади. Материалы детализированы и подготовлены к глубокому бурению интерпретаторами Ю.П. Селивоником, В.А. Туговиковым и С.В. Бурдиной.

Все топографические и сейсморазведочные работы в Среднем Приобье велись под руководством Ханты-Мансийского геофизического треста. Первый управляющий трестом — Евгений Васильевич Сутормин погиб в авиакатастрофе. Его именем названо месторождение нефти - Суторминское. Главным инженером треста позднее стал Леонид Кабаев.

За открытия крупных месторождений Кабаеву Л. Н. в 1970 году присуждена Ленинская премия и он награждался орденами и медалями за производственную деятельность с 1958 года, после окончания Киевского университета. С 1995 года он — создатель и директор музея геологии нефти и газа в Ханты-Мансийске.

Леонид Кабаев был и геофизиком, и лириком. Да, он писал стихи — смелые и прямолинейные, как просека в тайге, не имеющая права огигать препятствия. Мне приходилось работать по его заключениям о тектонике (строении неустойчивых пород на глубине), так необходимой для безаварийной проводки скважины. Читал и сборник его стихов. Соответствие работы и лирики четко просматривались в содержании написанных им стихов.

По установленной методике поисково-разведочных работ первую скважину Р-1 предстояло бурить в самом центре структуры, то есть в наивысшей точке купола пласта. Все данные сейсмиков говорили, что здесь центр огромного купола, под которым прячется «Нефтяное море».

В конце ноября 1964 года геологи Мегионской НРЭ комиссией в составе главного геолога Синюткина, начальника производственного отдела (ПТО) Ананьева Николая Петровича, начальника вышкомонтажного цеха (ВМЦ) Васякина Василия Сергеевича, топографа Бондаря Афанасия Дмитриевича, прибыли на легком гусеничном вездеходе ГАЗ-47 к месту предстоящего бурения скважины. Тяжелую буровую установку на этом месте ставить было нельзя из-за сильной заболоченности. Пришлось выбрать точку в другом месте между самим озером Самотлор и одним из безымянных озер поменьше. Первый штурм Самотлора решили начать напрямую из Мегиона по кратчайшему пути.

Работы по прокладке первой зимней трассы поручили опытному специалисту-практику Капишу Абраеву, который и возглавил колонну вездеходов, бульдозеров, тракторов с тяжелым оборудованием. Болота, покрытые обильным снегом, не промерзли даже в самые сильные морозы. Техника увязла в непроходимых болотах, несколько единиц просто утонуло. Отряд был вынужден повернуть назад, обойдясь без человеческих жертв.

В период подготовки и празднования Нового 1965 года, не смотря на праздничное настроение, начались мучительные поиски другого надежного пути к цели. И выход за месяц был найден в обход, то есть окружным путем в три раза длиннее (около 100 км), но он был гарантированным. Тем более мороз в декабре и январе, самых низкотемпературных месяцах, сковал труднопроходимые подступы к Самотлору.

В конце января 1965 года начался второй штурм Самотлора. Постоянную связь с передовым отрядом Капиша Абраева держали по полевой рации.

Трасса шла вдоль протоки Мега до районного центра — поселка Нижневартовский, затем сворачивала вправо вдоль реки Вах, удаляясь от намеченной цели, и только в конце резко уходила влево по гривкам (сухим хантыйским оленьим тропам) к Самотлору. Каждый километр пути преодолевался ценой огромных усилий. Более 30 раз проваливались трактора, которые приходилось вытаскивать из болота двойной, а то и тройной тягой. Лопались, как струны на гитаре, 28-миллиметровые стальные буксировочные троса. Но люди выдержали!

За 36 дней пройдено 105 километров, причем последние 20 километров подступа к Самотлору были пройдены за 25 дней.

Вышка, тяжелое оборудование, материалы и ГСМ для бурения скважины были завезены на место. Дело бы сделано! К концу марта вышкомонтажная бригада Кузякова закончила строительство буровой. Один из участников штурма Самотлора сварщик-вышкомонтажник Сергей Мельник, с которым я жил в одной комнате общежития и дружил на основе совместных занятий спортом, рассказывал мне летом 1965 года:

«-Всю зиму в течение четырех месяцев жили в передвижных за трактором рубленых вагончиках на санях — деревянных полозах.

Обогревались избушки буржуйками-печками из труб большого диаметра. Вытяжная труба поменьше. Печки топились постоянно, за исключением ночных 5-6 часов, чтобы не угореть во время сна. За ночь тепло прочь выдувало и из приоткрытых спальников утром исходило паровое облачко от дыхания. Первый проснувшийся закладывал несколько заготовленных с вечера полешек сухостоя, плескал на них пару консервных банок солярки и под гул нагревающейся буржуйки просыпались остальные.

Продукты завозили с собой в рюкзаках на несколько дней. Столовые-котлопункты на объектах работ в то время еще не применялись.

Тут же на буржуйку ставили банки с тушенкой, колбасным фаршем, консервами рыбы (фрикадельки в томатном соусе). Пока уничтожалось содержимое в банках, поспевал и круто заваренный чай. Для калорийности чай разбавляли сгущенкой. Бутерброд с маслом и сыром венчал утреннюю трапезу геологов.

В обед у холостяков то же самое, только плюс шматок сала с луком или чесноком.

Семейных же жены снабжали в длительный таежный поход приготовленными и замороженными пельменями. Раз в неделю посылали гонца-закупщика в поселок для пополнения продуктов и свежего хлеба. Так же привозил он свежие новости, письма и газеты. Привезенный провиант проверял сам начальник отряда Капиш Абраев на наличие спиртного. На рабочем месте был «сухой закон», но все равно вечером продуктового дня после работы некоторые были изрядно под хмельком. Закупщик, хоть и трезвенник, не доезжая до привала отряда, прятал спиртное в укромном месте в снегу под корягой на обочине. Один раз Капиш проехал по трассе обратно и по следам на снегу, как настоящий охотник, унюхал в скрадке рюкзак со спиртным. Устроил, конечно, разборку на следующий день и сменил заготовителя.

Ну а на Новый год, оставшимся на трассе геологам сам начальник экспедиции Абазаров — большой поклонник армянского коньяка привез ящик, правда Краснодарского коньяка (Абазаров родом из Краснодарского края). Полевики-геологи встретили Новый год хороводом вокруг наряженной консервными банками, растущей елки, под фейерверк выстрелов из ракетницы. После обеда первого января продолжили путь к Самотлору».

Буровики Самотлора

Первую разведочную скважину Самотлора Р-1 доверили бурить бригаде бурового мастера Норкина Григория Ивановича. Слава везения Норкина, как первооткрывателя нефтяных месторождений, была на слуху геологов Тюмени.

Начиная с 1961 года этой бригадой было открыто три месторождения нефти: Мегионское, Северо-Покурское и Аганское. Доля везения в геологическом поиске конечно присутствует, но, во-первых, необходим опыт, интуиция, основанная на долголетней практике ведения буровых работ. Всем этим обладал Григорий Иванович, начавший работать дизелистом в Саратовской конторе бурения в 1948 году. А до этого он прошел с боями путь от Москвы до Берлина танкистом, контрразведчиком группы «СМЕРШ», оперуполномоченным Советских войск в Германии (1945-1948 год).

Он 1914 года рождения до войны колхозник, председатель колхоза «Красный промысловик» в Томской области. С 1937 года служба в армии курсантом, старшиной мотопехотного полка в г. Благовещенск до самой войны. После окончания курсов буровых мастеров (1951 г.) он руководил бригадами в Кузбассе и Колпашево, а в 1959-ом вместе с бригадой переехал в Мегион. На то время он был самый возрастной и многоопытный буровой мастер Тюменгеологии.

И не зря ему поручали бурить самые первые и наиболее ответственные скважины на новых перспективных нефтяных площадях.

Норкин и его буровики первыми в Среднем Приобье на Мегионской площади 24 марта 1960 года закончили бурение Р-1 глубиной 2754 метра, которая при испытании верхнего объекта в интервале 2178-2175 м. только 21 марта 1961 года (через год после бурения) дала фонтан чистой нефти в 200 тонн в сутки. А ведь буровая бригада Норкина Г.И. и в целом мегионские геологоразведчики могли стать первооткрывателями всей Тюменской нефти. Лавры первооткрывателей Тюменской нефти достались буровой бригаде из Шаимской НРЭ Урусова Семена Никитича, получившей первую промышленную нефть 300-500 тонн в сутки 20 июня 1960 года со скважины Р-6 Трехозерной площади.

Задержка испытания скважины Р-1 Мегионской произошла из-за несвоевременного обеспечения материалами и трубами (насосно-компрессорные трубы — НКТ) из Новосибирска в конце 1959 года — начале 60-того в связи с передачей в это время всех геологоразведочных работ в Среднем Приобье из подчинения Новосибирского управления в состав Тюменского территориального геологического управления (ТТГУ), которым руководил Эрвье Юрий Георгиевич.

Да еще когда завезли НКТ из Тюмени и начали испытание бригадой мастера Липковского Евстигнея Федоровича, допустили аварию, и нижние пласты пришлось изолировать цементом с оставлением на забое 112 метров труб.

К испытанию верхних пластов вернулись только в следующем году. К тому времени поезд первооткрывателей Тюменской нефти уже ушел к Шаиму, к Урусову С.Н.

Такова она — геологическая удача первопроходцев, за которой стояли живые люди того времени: бурильщики бригады Норкина — Фаат Закиевич Хафизов, Михаил Алексеевич Литвиненко, Евстигней Федорович Липковский, Васечко Г.Р., помощники бурильщиков — В. Пендик, М. Семаков, А. Натейкин, Г. Хакимов., дизелисты — И. Терлеев, Г. Степанов. Не оставались в стороне руководящие ИТР — старший инженер по бурению Жемчуг Юрий Иванович и геолог Темиров Амет Бореевич. Жемчуг и Темиров — ветераны, участники Великой Отечественной войны.

В начале апреля бригада Норкина Г.И. забурила скважину Р-1 Самотлор. Как обычно по сложившейся в бригаде традиции, первые метры проходки дала вахта самого опытного и надежного бурильщика — Литвиненко Михаила Алексеевича. Молодые члены вахты именовали его папа Миша или батя. Так называли его не только за почетный возраст за пятьдесят, но и как достойного и примерного семьянина. Три сына пошли по его стопам, стали высококлассными специалистами-буровиками. Три дочери пошли в мать-педагога. Со средним сыном — Владимиром я два года работал в бригаде бурового мастера, Героя социалистического труда Малыгина Семена Лукича.

Сначала Владимир — дизелист, старший дизелист, а после окончания заочно нефтяного техникума он много лет работал буровым мастером. Последние годы трудовой деятельности по состоянию здоровья он был председателем профкома геологов города Мегиона. Постоянная, в течение долгих лет, работа в полевых условиях сказывается на здоровье, да и медведь его ломал на Самотлоре.

Был такой случай с ним при нашей совместной работе на Самотлоре. Владимир — коренной сибиряк, как и его родители, был склонен к охоте.

Еще в детстве и юности, живя в Колпашево и Нарыме, ходил в тайгу на пушного зверя, а летом на дичь. Была у него и охотничья собака — лайка Люська. Весной Люська, недалеко от буровой, выследила медвежью берлогу.

В очередной раз, как стало потеплее, Владимир отправился на токовище глухарей. Люська, конечно, рядом. Перед подходом к токовищу Владимир зарядил одностволку патронами с дробью №3 на глухаря. Как всегда Люська бежала впереди. На глухарей она не гавкала, чтобы не спугнуть заранее с проталин, где они набивали зоб мелким галечником, а тут залилась непрерывным лаем. Владимир подумал, что она взяла соболя и, подойдя ближе, увидел берлогу и вылезавшего оттуда громадного медведя.

На перезарядку ружья времени не оставалось, и Владимир выстрелил в медведя. Медведь взревел еще сильнее, и отбиваясь от хватающей его Люськи, все же накрыл охотника. Извернувшись, Владимир успел выхватить из ножен тесак, вонзил его в брюшину медведя и распорол внутренности.

Люська, не переставая, набрасывалась на медведя, отвлекая его от основного врага — человека. Владимир еще несколькими ударами ножа прикончил медведя, которая оказалась медведицей.

В берлоге находились два маленьких медвежонка. С ними Владимир и вернулся поцарапанный и с помятыми костями на буровую.

Два маленьких медвежонка поместились в рюкзаке за плечами. Медвежат взял на воспитание бригадир вышкомонтажников Кузяков Александр.

Он построил для них в Мегионе возле дома во дворе сарайку с металлической решетчатой дверью. Выросли они быстро, а вот воспитанию не поддавались, и Кузяков передал пестунов (молодых медведей) в Тюменский зоопарк.

Без ружья не обходились геологи в тайге. Вот и я частенько после вахты брал у Лукича (Малыгина) малокалиберную винтовку и со свистком ходил на рябчика. Глупая птица, не медведь же, подлетала на свист к самым ногам.

Зато вкуснейшая похлебка из рябчиков. Когда ел, вспоминал пословицу (стих Маяковского) из голодного детства:

«Ешь ананасы, рябчиков жуй!

День твой последний приходит, буржуй!»

Ну а рабочие дни на буровой Григория Норкина шли своим чередом. При глубине скважины 1600 метров она начала проявлять беспокойство и тревогу буровиков.

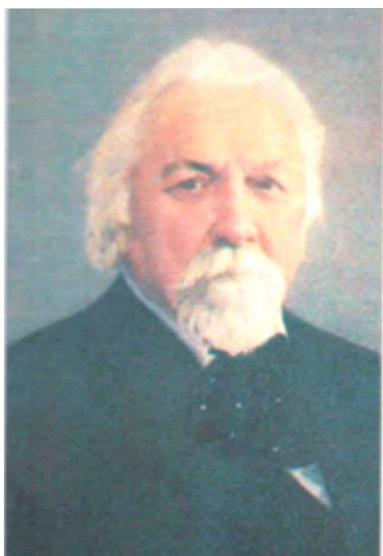
В растворе, особенно после спуско-подъемных операций для смены очередного долота, появлялись радужные пленки нефти и пузырьки газа. Скважина как бы пульсировала на грани аварийного выброса и возможного открытого фонтана нефти. Норкин был постоянно в напряженном состоянии, сутками без сна не отходил от ее устья. Зайдет на час-два в теплую котельную, бухнется на матрац, не раздеваясь, и толком не выспавшись, как очумелый снова несется к устью, к выходящему из скважины раствору, затем на пульт бурильщика.

Через каждые четыре часа выходил по рации на связь с конторой экспедиции.

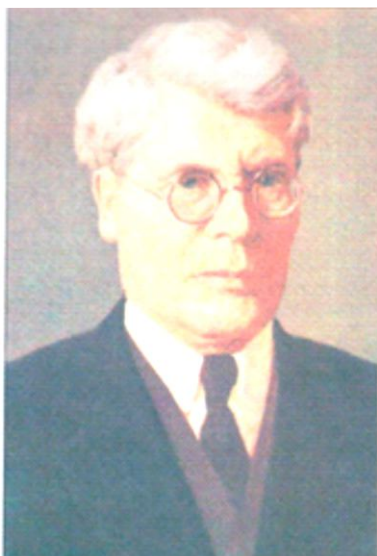
Специалисты, во главе с начальником Абазаровым, давали советы и рекомендации по соблюдению техники безопасности и технологии проводки скважины до проекта. Норкин прислушивался к советам, но, как «профессор» своего дела, находясь на скважине, больше прислушивался к ее недрам, как врач к сердцебиению. Не зря один из вариантов перевода с хантыйского «Самотлор» называли «Сердцем озер». Если буровые вахты проводили смену рабочего режима, чередуя четыре дня полевой работы с четырьмя днями отдыха в Мегионе, то буровой мастер месяц безотлучно находился на скважине, пока не добурили ее до проекта и не закрепили обсадной колонной труб. Контроль за технологией проводки скважины и непосредственное участие в работе бригады принимали инженеры-буровики: Каталкин Степан Леонидович и Коломасов Владимир Иосифович. Они постоянно, чередуясь еженедельно, находились на скважине от забурки до ее окончания в конце мая. Выедут домой в Мегион на несколько дней, сделают производственный отчет, заготовят для молодых жен с малыми детьми дров для отопления, воды наносят из проруби на протоке Мега, закупят продуктов для семьи и себя на неделю и снова торопятся на Самотлор к скважине. У обеих только-только родились малые детки — у Коломасовых дочь Оленька, у Каталкиных сын Игорек. Оба первенцы в семьях, привыкающие в основном расти под опекой матерей - жен постоянно находящихся в тайге отцов — буровиков. Они достойны поименного увековечивания, как покорители-первопроходцы Самотлора из бригады Григория Норкина: бурильщики Михаил Алексеевич Литвиненко, Геннадий Владимирович Меджевский, Фаат Закиевич Хафизов, Евстигней Федорович Липковский; помощники бурильщика Михаил Симаков, Анатолий Тарасов, Константин Дулов, Алексей Федосов; дизелисты Марс Хафизов, Борис Никаноров, Владимир Литвиненко, Владимир Пехота; тракторист Николай Васякин...

Выдающиеся деятели отечественной геологии

А.П. Карпинский
Президент VII МГК 1897.

И.М. Губкин
Президент XVII МГК 1937.

А.Е. Ферсман
Генеральный секретарь
XVII МГК 1937.

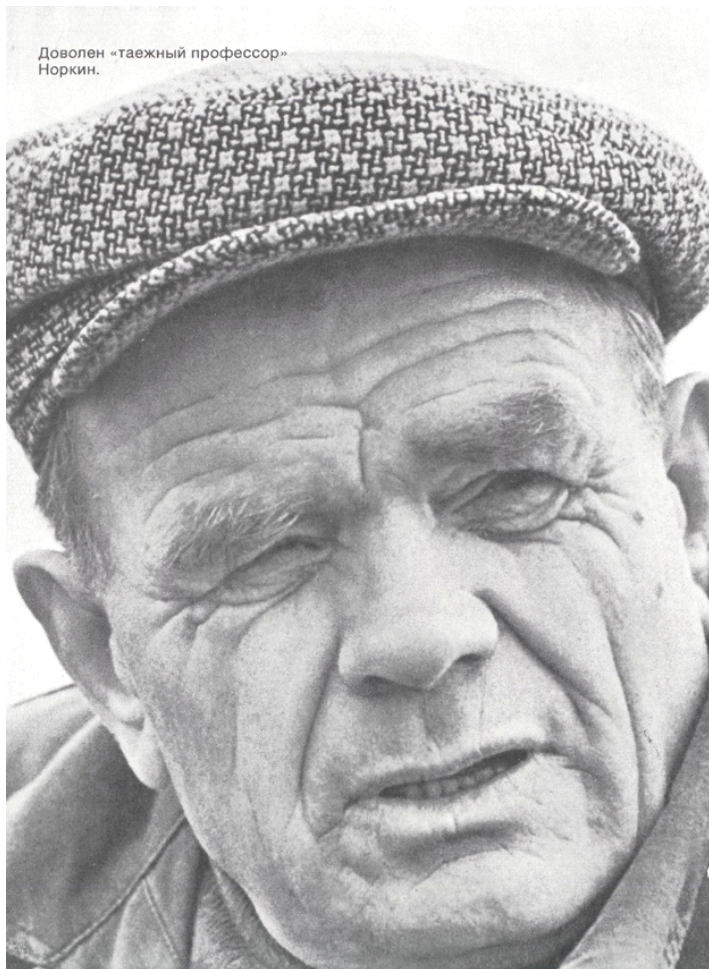
Васильев В.Г. — начальник
Обь-Иртышской экспедиции 1934-36 гг.

Гуль Р.Ф. — геолог Обь-Иртышской
экспедиции 1934-36 гг.

Доволен «таежный профессор»
Норкин.

Норкин Григорий Иванович — буровой мастер,
первооткрыватель Самотлора

Абазаров Владимир Алексеевич — первооткрыватель
Самотлора, начальник Мегионской НРЭ ,
лауреат Ленинской премии

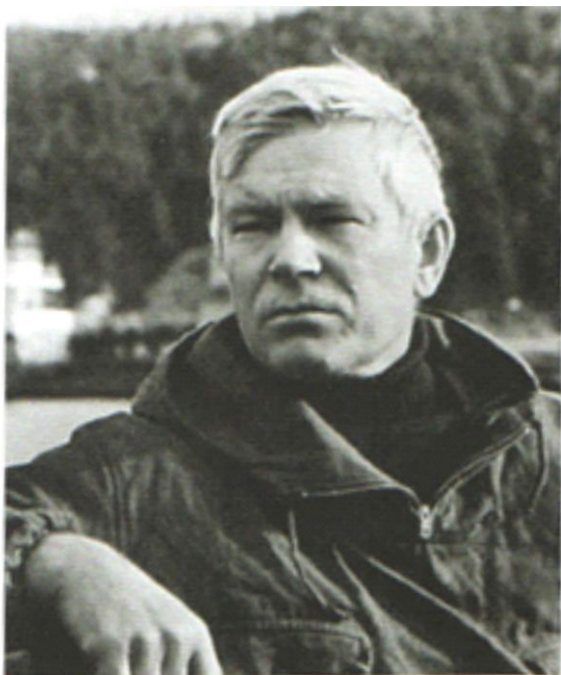
Буровой мастер Норкин Г.И. (в центре)
с бурильщиками Меджевским Г. В. (слева) и Сухушиным

СОРЕВНОВАНИЕ буровых бригад			
Итоги работы за 1 квартал 1966 года			
№№ пп.	Фамилия, и., о. бурового мастера	Наименование экспедиций и партий	Проходка в метрах
1.	Урусов С. Н.	Шаимская	6232
2.	Шидловский В. Д.	Шаимская	4979
3.	Жумажанов Н. У.	Сургутская	4705
4.	Лагутин В. П.	Сургутская	4496
5.	Николаенко П. А.	Правдинская	4297
6.	Курбатов А. И.	Мегионская	3847
7.	Арутюнов А. Г.	Шаимская	3343
8.	Еремин Г. П.	Сургутская	3309
9.	Храмов В. И.	Усть-Балыкская	3143
10.	Карамов Н. Б.	Усть-Балыкская	3081
11.	Высокоостровский В. А.	Правдинская	3046
12.	Степанов А. И.	Шаимская	2686
13.	Малыгин С. Л.	Мегионская	2680
14.	Петелин В. А.	Правдинская	2657
15.	Рымаренко В. А.	Усть-Балыкская	2634
16.	Иванов И. И.	Тюменская	2462
17.	Полупанов В. Б.	Нарыкарская	2422
18.	Зверев Д. В.	Усть-Балыкская	2415
19.	Норкин Г. И.	Мегионская	2398
20.	Вывишкин А. Я.	Правдинская	2353
21.	Нуждин А. С.	Нарыкарская	2240
22.	Ефименко В. И.	Вахская	2209
23.	Васюченко А. М.	Казымская	2146
24.	Тативосов Р. Д.	Таркосалинская	2060
25.	Рабинович И. Л.	Шаимская	1981
26.	Тарасов А. Ф.	Таркосалинская	1954
27.	Синьков А. Ф.	Тюменская	1800
28.	Кулинченко В. И.	Новопортовская	1786
29.	Кудин В. Д.	Шаимская	1703
30.	Кузин И. И.	Новопортовская	1648
31.	Макаровский В. А.	Тазовская	1473
32.	Невмира В. И.	Тазовская	1038
33.	Ткачев Н. А.	Вахская	943
34.	Сайдашев Ф. С.	Мегионская	696
35.	Прудаев Б. Н.	Новопортовская	108

В. КОЗЛОВ.
ДЕНЬ ГЕОЛОГА

Настроение
весеннее,
Солнцем мир
заполнен
вскленье—
Ведь не просто
воскресение,
Нынче наш
особый день!
День горит,
как факел
газовый,
Только ярче
во сто крат,
Ведь недаром
в песне сказано,
Что геолог солнцу
брат.
Говорят, везет
везучему.
Только ясно:
тем везло
И везет, кто
ищет случая,
Ищет всем чертям
на зло.
И не только лишь
везение
С нами входит
в этот день...
Настроение
весеннее,
Солнцем мир
заполнен
вскленье.

Леонид Николаевич Кабаев (1935 - 2012) - лауреат Ленинской премии (1970), первооткрыватель ряда крупнейших нефтяных месторождений на территории Западной Сибири, основатель и первый директор музеев с 1995 по 2003 годы.

1963 год. На Самотлорском профиле топографы Сургутской геодезической партии № 49

1966 год. На буровой Р-9 Самотлорской площади.
Слева направо: Худорожков Генрих Павлович — начальник геологического
отдела Мегионской НРЭ; Синюткин Модест Федорович — главный геолог;
Каталкин Степан Леонидович — главный инженер

1965 год. На буровой Р-1 Самотлор.
Виктор Федотов — слесарь Мегионской НРЭ

1953 год. На скважине Уватской буровой партии, Тюменьгеологии. Справа: Малыгин С. Л. — бурильщик, с 1962 года буровой мастер Мегионской НРЭ, с 1973 г. — Герой социалистического труда

1965 г., п. Мегион. Половодье на Оби. Виктор Федотов — молодой специалист, слесарь по ремонту бурового оборудования Мегионской НРЭ

С первым тренером по лыжным гонкам Мельниковым Александром Васильевичем

1966 год. Лаборанты буровой бригады Норкина Г. И. —
Татьяна Матвеева (слева) и Наталья Липковская на скважине Р-9 Самотлорской

1967 год. Виктор Федотов — чемпион Нижневартовского района

1965 год, п. Мегион. Мечты и грезы молодого специалиста — слесаря Виктора Федотова

Перед забуркой скважины Р-9 Самотлорской. Слева направо: Николай Овчаренко — помощник бурового мастера, Александр Греков — бурильщик, Александр Петров — главный механик, Григорий Норкин — буровой мастер, Виктор Пархомович — начальник цеха бурения, Виктор Кануткин — главный энергетик, Валерий Андреев — начальник ПТО, Александр Сергунин — зам.начальника цеха бурения, Афанасий Бондарь — старший топограф

Первомайская демонстрация 1967года в поселке Мегион. Слева направо:
Виктор Федотов дизелист, Анатолий Логинов — помощник бурильщика,
Николай Серков — буровой рабочий

1967 год. Совещание в каюте катера «Академик Ферсман». Слева направо:
Владимир Соболевский — главный инженер Главтюменьгеологии,
Владимир Архангельский — главный инженер треста «Обьнефтегазразведка»,
Фарман Салманов — начальник Правдинской НРЭ , Степан Каталкин — начальник Мегионской НРЭ

1967 год. Слева — Каталкин Степан Леонидович —
начальник Мегионской НРЭ с представителем Главка

1965 г. Майская демонстрация. Слева: Гомберг Александр Иосипович -
начальник геодезической партии ГП-49, Чабан Николай Иванович -
зам.начальника Мегионской НГРЭ, Тиханкина Лариса Михайловна - техник-геолог

Основатели трудовой династии нефтяников Федотовых — Алексей Кузьмич и Дарья Алексеевна. 1953 год, г. Бугуруслан, Оренбургская область

1990 год — братья Федотовы — покорители Самотлора.
Слева направо: Владимир — бурильщик, Анатолий — механик, Виктор — технолог

2014 г. Сургут. Отец, сын и внук из трудовой династии нефтяников Федотовых

9 мая 2014 г. Ветеран геологии Среднего Приобья с 1965 года Федотов Виктор Алексеевич

«Черное золото Соловора» - картина Федотовой Е.В., масло , холст

Верный азимут

Эрвье Юрий Георгиевич (справа) —
начальник Главтюменьгеологии.
Гавриков Валентин Андреевич —
начальник Мегионской НГРЭ

В ожидании первенца чета
Федотовых: Виктор и Ирина

1974 г. п. Мегион. Региональное совещание геологов по оценке запасов нефти Самотлорского месторождения.

В президиуме, слева: Гавриков Валентин Андреевич - начальник Мегионской НГРЭ, Нестеров Иван Иванович - директор ЗапСибНИГНИ, доктор геолого-минералогических наук, Салманов Фарман Курбанович - главный геолог Главтюменьгеологии, доктор ГМН, Кулахметов Нариман Хасанович - зам. по науке ЗапСибНИГНИ, доктор ГМН, Хафизов Фаиз Закиевич - главный геолог партии подсчета запасов, доктор ГМН.

Слева от президиума: Синюткин Модест Федорович - главный геолог Мегионской НГРЭ.

Справа от президиума - третий по счету - Шпильман Владимир Ильич - зав. сектора подсчета запасов ЗапСибНИГНИ, кандидат ГМН

1972 год — аварийный фонтан на скважине Р-6 Варьеганской площади Мегионской НГРЭ

Реактивная пушка для укрощения нефтяного фонтана на скважине Р-6 Варьеганской площади

Курбатов Анатолий Иванович – буровой мастер Мегионской НРЭ
1965 – 70 г., главный инженер Тюменской военизированной
противофонтанной части 1971-2002

Коломасов Владимир Иосифович (слева) – начальник отдела бурения объединения
«Обънефтегазгеология» и Курбатов Анатолий Иванович – начальник отряда
Военизированной противофонтанной части

1972 г. Скважина Р-107 Самотлорская — оценочная.
Виктор Федотов — помбур бригады мастера
Малыгина С.Л., Героя социалистического труда

Живем в
комарином краю

Первая Самотлорская разведочная скважина

Десант яростного стройотряда на Самотлор

Каталкин С. Л., Федотов В. А. - ветераны труда геолгоии
Среднего Приобья у памятника-обелиска первой скважине
Сургута. 2007 год.

После вкусного обеда

2010 г. Былое и думы ветерана геологии Среднего Приобья Виктора Федотова перед выходом на заслуженный отдых

2007 г. 50-летие первого десанта геологов в Среднем Приобье.
Слева: Гомберг Александр Иосипович - начальник ГП-49,
Туренко Алексей Степанович - гл. бухгалтер, участник ВОВ

2003 год. На Самотлорском марафоне в юбилей 50-летия первого фонтана газа Тюменской области.
№336 — Виктор Федотов — чемпион возрастной группы 50-60 лет

Члены клуба "Самотлор" в парке Победы.
Страницы истории КБ "Марафонец", Нижневартовск.
(с 1980 по 2002 гг. - КЛБ "Самотлор")

2014 г. Нижневартовск, на старте пробегачи члены клуба "Марафонец"

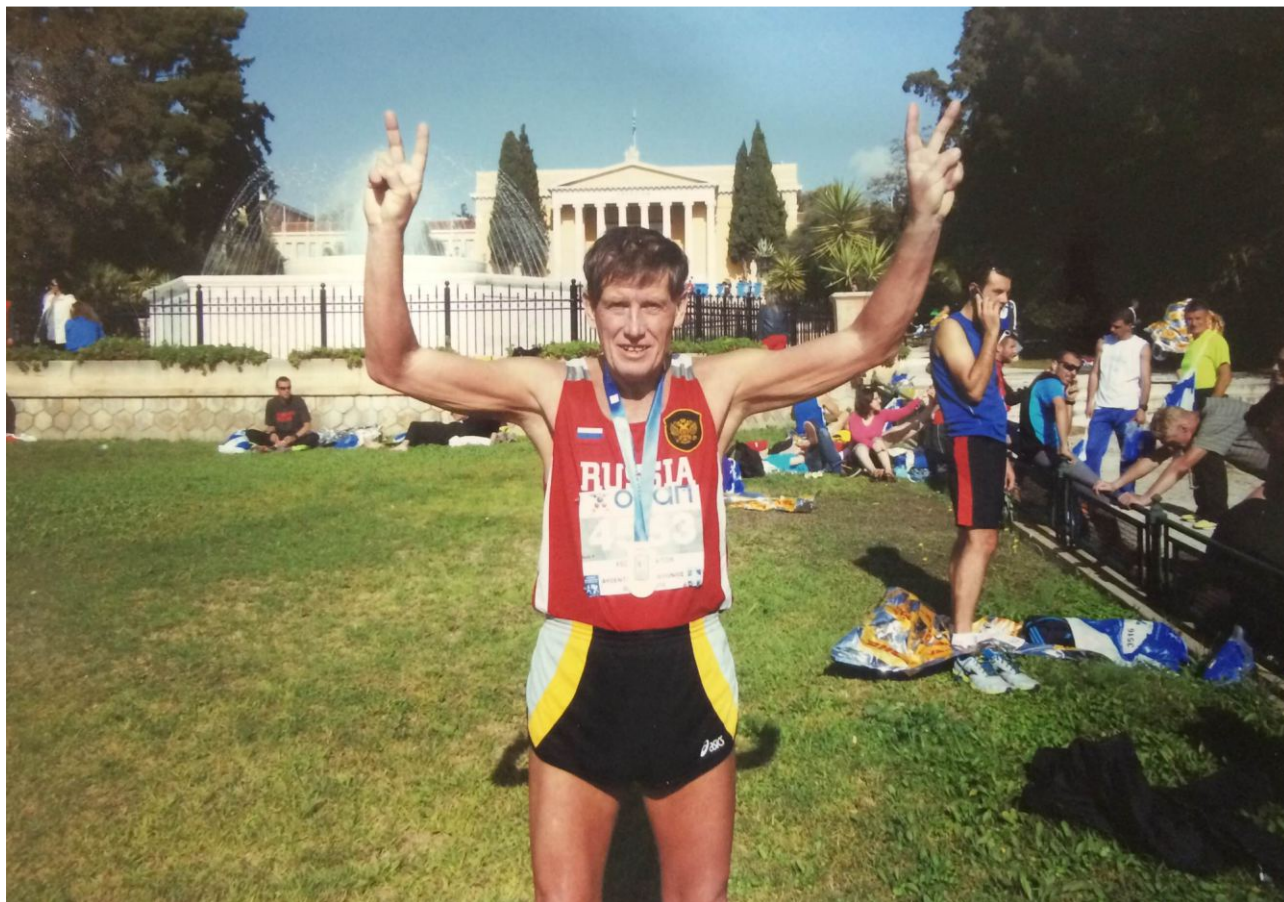

Сентябрь 2014 г. Москва. Виктор Федотов на трассе Московского марафона - 42 км. 195 м.

2008 г. Швеция. Виктор Федотов на финише Стокгольмского марафона

Ноябрь 2014 г. Греция. Виктор Федотов (67 лет) после финиша
Афинского марафона - 42 км. 195 м.

С целью определения интервалов залегания продуктивных пластов и их характеристик, промыслово-геофизические исследования на скважине Р-1 проводил отряд под руководством Павла Марковича Клочана, а интерпретировала каротажные диаграммы инженер-геофизик Жанна Сысоева.

Радиоактивный каротаж (РК), нейтронный (НК), гамма-гамма каротаж, то есть работы, связанные с вредными для человека изотопами, проводил отряд Олега Галыго.

Мне приходилось с ним общаться как по работе, так и по совместным занятиям лыжным спортом и участием в соревнованиях районного и областного масштабов. Он вместе с супругой Галиной приехали работать в Мегион после окончания Львовского института в начале 60-х годов.

Частенько мне приходилось по дороге на буровые (или с буровой) автотранспортом, вертолетом или по воде на катере помогать в переноске свинцового контейнера весом под восемьдесят килограмм с радиоактивным элементом. На скважине начальник отряда при вытаскивании из контейнера элемента (цилиндрика диаметром 1 см. и длиной 5 см) и установке его в прибор, спускаемый на кабеле в скважину, просил всех отойти на безопасное расстояние. Сам же подвергался небольшой дозой радиации. Но это происходило по жизни многократно, и радиация постепенно накапливалась в организме.

Несмотря на молодость, а Олегу было немного за тридцать, он болел малокровием и был уже лысоват, но не мог расстаться по советам врачей со своей профессией и образом жизни на Севере. Впоследствии он все-таки был вынужден вернуться на Украину, но было уже поздно. Он скончался, прожив короткую, но героическую жизнь у Самотлора.

По молодости я только один раз в жизни с разрешения Олега, как он выразился — «Ради спортивного интереса», специальными щипцами перенес радиоактивный «пальчик» из контейнера в геофизический прибор РК и поддерживал его, направляя в устье пробуренной скважины. После оценки качества цементирования эксплуатационной колонны методами гамма-гамма контроля, буровики передали скважину Р-1 испытателям бригады Безродного П.Г., которые под его непосредственным руководством приступили к опробованию многочисленных объектов, так называемого Самотлорского «рябчика». Почему «рябчика»? Да потому, что в разрезе было выявлено восемь нефтяных пластов, как восемь чередующихся расцветок оперения птицы рябчика — северного деликатеса с грудкой из диетического мяса.

29 мая 1965 года из Мегиона в Тюмень Абазаров радировал начальнику Главка Эрвье Юрию Георгиевичу: «На скважине Р-1 Самотлора в интервале 2123 — 2130 метров получен нефтяной фонтан. Скважина на отработке. Визуальный дебит более 300 кубометров в сутки».

Испытание пластов в скважине идет поочередно снизу-вверх. Самый могучий фонтан дебитом свыше 1000 кубометров, получен в интервале 1693 — 1736 метров. Самотлорская нефть обладает высоким качеством. Она легкая, маловязкая и малосернистая с большим процентом выхода легких фракций (бензин, дизельное топливо, масла) при перегонке.

За четыре последующих года до выхода на Самотлор нефтяников, буровые бригады Норкина Г.И, Малыгина С.Л, Курбатова А.И, Хафизова Ф.З, Меджевского Г.В. пробурили на Самотлоре более пятидесяти разведочных скважин.

Площадь месторождения составила 30х50 километров, а первоначально доказанные в 1973 году извлекаемые запасы составили более трех миллиардов тонн нефти. Последующие работы на Самотлоре подтвердили это и даже в еще большем объеме.

На Всесоюзных совещаниях научных и производственных подразделений Министерства геологии, проходивших традиционно в Тюмени, было принято решение: на каждом месторождении, которое готовится к сдаче в разработку, пробурить одну-две оценочных скважины, при вскрытии продуктивных горизонтов с промывкой раствором на нефтяной основе (РНО).

Участником таких совещаний и мне приходилось быть неоднократно. Более того, вместе с молодым специалистом - старшим геологом Валентином Гавриковым от Мегионской НГРЭ, мы были участниками первого такого форума, проходившем в августе 1967 года в поселке Горноправдинске. Инициатором этого научно-производственного Всероссийского совещания был начальник Правдинской НГРЭ, кандидат геолого-минералогических наук, Герой социалистического труда — Салманов Фарман Курбанович. Эти звания накануне (1966 год) были ему присвоены.

В 1974-75 годах перед сдачей Самотлора, Варь-Еганского и Федоровского (Сургутская НГРЭ) в окончательную с утверждением запасов разработку были пробурены скважины с промывкой при вскрытии пластов РНО. Несмотря на трехкратное увеличение сметной стоимости бурения таких скважин с обычными разведочными, они позволили объективно судить о разведанных геологических и извлекаемых запасах нефти.

Такие данные дали возможность эффективно и с меньшими затратами проектировать и вводить производственные мощности и строительство городов и рабочих поселков в нефтяных регионах Тюменской области (Нижневартовск и Радужный, Сургут и Новофедоровский). Такая скважина пробурена на Самотлоре — Р-107 весной 1974 года, где я работал помощником бурильщика, на Варь-Егане — Р-106 осенью 1975 года был помощником бурового мастера, а зимой в конце 1976 года на Федоровке — Р-120 уже старшим инженером-технологом.

Опыт проводки таких скважин, начатых мною на Самотлоре, позволил быть ответственным руководителем более десятка пробуренных на месторождениях ОАО «Объединенная геология» (Сургутский и Ноябрьский районы) скважин со вскрытием пластов на РНО.

Даже при кризисе-дефолте 1998 года, когда пришел крах большой геологии Тюмени, и мы со многими специалистами остались не у дел (предложили отпуск без содержания), нефтяники Сургутнефтегаза (конкретно Сургутское УБР-2, возглавляемое Героем соцтруда за Самотлор Левиным Г.М.), пригласили меня курировать бурение такой оценочной скважины №366 Камынской площади.

Успешно, с положительными результатами, скважину пробурили и нефтяники сделали мне предложение перейти к ним, возглавив цех по приготовлению спецрастворов или лабораторию по растворам. Несмотря на заманчивое предложение, остался верным к большой геологии — до заслуженного отдыха оставалось четыре года. Геологию в Сургуте реанимировали еще на десять лет последующей работы по договорам с нефтяными предприятиями, которым мы безвозмездно передавали месторождения-гиганты — Самотлор, Варь-Еган, Федоровку, Усть-Балык и другие (более 150 месторождений).

А на научно-практических конференциях, докладывая о проводимых в экспедициях работах по внедрению новой техники, технологии и положительных результатах, позволяющих давать прирост запасов нефти, исчисляемый миллиардами тонн, занимал призовые места, награждался дипломами разных степеней и авторучкой с золотым пером от имени Тюменского академика Нестерова Ивана Ивановича.

Сейчас этой ручкой пишу воспоминания и думаю о былом в тиши домика в деревне на Каме. А для издания книги необходимо, как прежде геологам, чтобы выжить, идти с прошением к нефтяникам-олигархам.

Максимальная добыча нефти в лучшие для Самотлора годы (1980-1990г.) была свыше 150 млн. тонн в год, что составляло четвертую часть от добычи во всем СССР. Самотлор был признан самым крупным месторождением в стране и вошедшим в десятку мировых. Накопленная за годы эксплуатации добыча нефти составила более двух с половиной миллиардов тонн и продолжает расти.

Первая эксплуатационная скважина начата бурением 27 января 1969 года бригадой мастера Повха Степана Ананьевича. Нефть из первой скважины №200 пошла 2 апреля. А к концу года из нескольких десятков пробуренных эксплуатационных скважин было добыто и отправлено по трубопроводам на нефтеперерабатывающие заводы свыше 5 млн. тонн. Освоение Самотлора нефтяниками вначале шло из Мегиона, а потом и из Нижневартовска. Кроме бригады Степана Повха на Самотлор в полном составе перебазировались буровые бригады из Шаима: Шакшина А.Д., Петрова Г.К., Ягофарова С.Ф., а также бригада Левина Г.М. из г. Отрадный, Куйбышевской области. Бригада Левина Геннадия Михайловича первая пробурила за год на Самотлоре 100 тысяч метров проходки скважин. Такого не достигала ни одна буровая бригада в других нефтегазоносных провинциях СССР. На Самотлоре, что ни возьми, все было рекордным: у вышкомонтажников, строителей, транспортников, авиаторов, трубопроводчиков. С Геннадием Михайловичем не раз сходились наши дороги на буровицкой стезе. Еще в начале 1965 года буровая бригада Левина принимала у нас - монтажников экспериментальную, первую в СССР буровую установку с автоматическим (без верхового рабочего) спускоподъемом бурильных труб. Я на дипломной практике работал вышкомонтажником в тресте «Первомайбурнефть», что в г. Отрадном, Куйбышевской области.

Помню, как молодой двадцатисемилетний коренастый, круглолицый со слегка выпуклыми глазами, подвижный мастер в кожаной куртке обошел всю буровую, вникая в тонкости нового оборудования. Быстро составил от руки дефектную ведомость — свои замечания и предложения. Через два дня он приехал проверить исполнение и оставил на буровой одну вахту буровиков для совместной работы с монтажниками.

В 1968 году со всей бригадой Левин переехал на Север в Мегионскую контору бурения, а с 1969 года начали работать на Самотлоре, параллельно на одном кусте с бригадой бурового мастера Повха Степана., пробурившего первую Самотлорскую эксплуатационную скважину. Я в то время работал там же — в Мегионе на Самотлорском месторождении в буровой бригаде Малыгина Семена Лукича.

Буровики - нефтяники в первые годы на Самотлоре частенько заезжали к нам — геологам. Ведь они шли по проторенной дорожке, по нашим стопам и перенимали у нас некоторый опыт, особенно по рецептурам обработки бурового раствора химреагентами. Впоследствии они быстрыми темпами опередили нас, и мы заимствовали у них по дружески химреагентами, материалами, оборудованием и в особенности инструментами для ликвидации аварий. При аварии в бурении замедления в принятии действенных мер грозят большими потерями времени на ликвидацию и материальных затрат. До базы экспедиции далеко, а тут под боком богатые запасными частями и инструментами буровики — нефтяники.

В 1981 году Левин возглавил Сургутское УБР-2 и работал вплоть до выхода на заслуженный отдых в 2003 году. Я в те годы работал главным технологом Сургутского объединения «Объединение нефтегазгеология» и частенько по работе встречался с буровиками Сургутнефтегаза. Да и не только по работе, там трудились на высоких должностях мои однокашники по Тюменскому индустриальному институту выпуска 1975 года — Елишев Анатолий Григорьевич, Кузьмин Николай Николаевич, Ефремов Сергей Алексеевич.

С Левиным встречался в спортзале и последующей сауне — он был любитель большого тенниса и неплохо играл на корте.

В кризисные для большой геологии годы генеральные директора нефтяников и геологов не находили точки соприкосновения.

Сургутнефтегаз в лице Богданова Владимира Леонидовича, буровика с большой буквы, предлагал геологам влиться в структуру объединения нефтяников. Естественно отпала бы необходимость в организации своего управления геологоразведочных работ (УПРР). На уровне буровых бригад, ИТР, начальников отделов и подразделений работали взаимосвязанно, ведь земля и месторождения на ней одни для всех по законам того времени.

Вначале шли по ней мы — геологи, открывая, изучая и подготавливая запасы нефти к разработке. Затем по нашим точкам (скважинам) и картам, но широким фронтом шли нефтяники.

Рекордный показатель добычи нефти за год только по одному объединению «Нижневартовскнефтегаз» достигнут в 1983 году — 215,4 млн. тонн (львиная доля на Самотлоре). Это составило 60% от добычи по Тюменской области и 35% от общесоюзной добычи. Эта нефть перекачивалась на нефтеперерабатывающие заводы по трем построенным трубопроводам: в 1972 году — Самотлор — Александровское — Анжеро - Судженск, в 1973 году — Самотлор - Альметьевск и в 1976 году Самотлор - Куйбышев.

На Самотлоре появились первые скважины-миллионеры: из скважины №335 за три с половиной года эксплуатации извлекли миллион тонн нефти. И все это стало благодаря героическому труду буровиков в тяжелейших климатических условиях, пробуривших на Самотлоре за все это время более 10 тысяч скважин. Хоть и тяжелейшая это профессия — буровика, особенно в геологоразведке, но интересная, до конца неизведанная, в то же время знатная и почетная.

Скважина — это сложнейшее инженерное сооружение ниже уровня земли, это не оборудование и механизмы, которые можно увидеть и отремонтировать или заменить. Безаварийная проводка скважин требует от буровиков больших технических знаний, опыта и даже интуиции, выработанной многолетним трудом в полевых условиях. За упорный труд всегда рано или поздно приходит вознаграждение. Это и радость первооткрывателей, зачерпнувших ладонями теплую нефть и традиционно измазав ею лицо, это и высокие правительственные награды!

Что только значит запись в моей трудовой книжке: помощник бурильщика, помощник бурового мастера, старший инженер-технолог, главный инженер, главный технолог орденоносных предприятий — Мегионская ордена «Знак Почета» НГРЭ, ордена «Дружбы народов» объединение «Объединение нефтегазгеология», ордена Ленина Главтюменьгеология. В Тюменской области это единственные награжденные орденами предприятия геологии из тридцати трех экспедиций и шести объединений.

В шестидесятые годы прошлого столетия на концертах художественной самодеятельности в праздники я со сцены декламировал стихи о буровиках, написанные Тюменским поэтом того времени Иваном Николюкиным:

Вот они — герои наших встреч.
Знают ли они об этом сами?
Бросив рукавицы между свеч,
Тянут свечи голыми руками.

Стройные возводят фонари,
А под ними скважины кустами.
Люди, понимающие жизнь,
Собственными, грубыми руками.

Вот они, я всюду узнаю
Их по смелой трудовой сноровке.
По привычке жить в любом краю,
По бывалым курткам и ветровкам.

И я горд, что жизнь меня свела
С ними на большие расстояния,
В паспорте буровиками назвала,
Самое большое выдав звание.

Пусть современная молодежь назовет их ура-патриотическими, но они полностью отражали действительность того времени — времени трудового порыва комсомольско-молодежных ударныхстроек по освоению необжитой тьмутаракани. Так назывался Тюменский край, преображенный в настоящее время в высокоразвитую, благоустроенную, культурную территории России.

IV Три гроссмейстера Самотлора

Каталкин - Курбатов - Коломасов - три колосса, три первопроходца, три гроссмейстера-буровика, тройка работяг-лошадок, вытянувших из болот черную жемчужину — Самотлор.

Мы их называли гроссмейстерами Самотлора по аналогии трех выдающихся шахматных королей, чемпионов мира - Карпова - Каспарова — Крамника.

У Степана, Анатолия и Владимира было много общего на жизненном пути, их сроднил Самотлор.

Все трое окончили нефтяные ВУЗы по специальности - бурение, прошли производство от помощников бурильщика до главных инженеров буровых предприятий.

Все трое примерные семьянины, вырастившие достойных детей, внуков и правнуков.

Все трое награждены орденами "Трудового Красного Знамени" и медалями «За освоение недр и развитие нефтяного комплекса Западной Сибири»

Все трое страстные любители шахмат и преферанса.

Можно еще долго и бесконечно перечислять общность трудовых людей того коммунистического времени, людей не смогших перестроиться к условиям современной жизни.

Начиная с 1965 года - года открытия Самотлора, и по сей день, моя жизненная судьба тесно связана с судьбой этих замечательных друзей и больше всего с самым молодым из них - Владимиром Иосифовичем Коломасовым.

Владимир мой земляк, родом из Уфы - 18.02.1940 года рождения. Это всего в 250 километрах от моего родного Бугуруслана. Во время учебы в школе с детства мечтал стать моряком и после окончания десятилетки уехал в Ленинград, поступил в морское училище.

Но видно не судьба стать моряком, через полгода по состоянию здоровья (небольшая аритмия сердцебиения) из училища отчислили. Возвращаться домой в Уфу было стыдно перед друзьями, родственниками и он поступил в Куйбышевский политехнический институт на нефтегазопромысловый факультет по специальности — бурение. В конце пятидесятых годов в районе "Второго Баку" (Башкирия, Татария Куйбышевская и Оренбургская области) бурно развивалась нефтяная отрасль и специальность буровика была на слуху и в почете.

Летом 1962 года после окончания ВУЗа по направлению Главтюменьгеологии прибыл в только что организованную Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. До этого в Мегионе на Баграсе был участок бурения от Сургутской нефтеразведки и только после открытия Мегионского месторождения (20 марта 1961 года) на базе участка создали экспедицию.

С рождением экспедиции начал работать в ней и молодой специалист-буровик Владимир Иосифович Коломасов.

В Куйбышеве осталась молодая жена-студентка 4 курса педагогического института - Ирина. Через два года, окончив ВУЗ и родив дочку Ольгу, они приехали к мужу в Мегион. Володя эти два года не вылезал с буровых, набирая практические навыки буровика. Ему доверили особо сложный участок в бурении поисковых и разведочных скважин — инженер по глинистым растворам.

По аналогии с человеческим организмом раствор (промысловая жидкость) для скважин — это как кровь в жилах. Малейшие отклонения от параметров и авария или болезнь тут как тут.

В редкие выходные дни отдыха Владимир ходил в спортзал местной семилетней школы поиграть в баскетбол. Сохранилась у него студенческая спортивная закалка, когда он играл за сборную института по баскетболу. Также участвовал в комсомольской работе, как член комитета по работе с молодежью. После рождения второй дочери Светланы, он как-то отошел от этих общественных обязанностей и увлечений, но на соревнования геологов в областной центр Тюмень он с нами ездил и удачно выступал за команду баскетболистов.

На этой стезе (комсомол и спорт) у меня с Владимиром Коломасовым и произошло знакомство летом 1965 года. Я также был избран членом комитета комсомола нефтеразведки - ответственным за спортивную жизнь в поселке Мегион, а за команду на районных и областных соревнованиях выступал на лыжах, в легкой атлетике (бег) и настольном теннисе.

По этим трем видам был чемпионом Нижневартовского района и призером в области.

Но основное наше дело в поселке нефтеразведчиков были работы по выявлению запасов нефти на Самотлорском месторождении. Первая скважина в мае 1965 года - это только весть об открытии и наша задача геологов - определить контуры залегания нефтеносных пластов под обширной территорией озер и болот.

Это громадный и неимоверный труд сотен геологоразведчиков по обустройству и бурению десятков скважин в течении нескольких лет. И эту работу сделали, а с 1968 года продолжили совместно с нефтяниками Нижневартовска.

На Самотлоре, довольно-таки сложном в геологическом и технологическом отношении, бурение скважин доверяли самым опытным мастерам. Кроме Норкина Григория Ивановича - первооткрывателя Самотлора, на месторождение вышли бригады буровых мастеров Хафизова Фаата Закиевича и Малыгина Семена Лукича.

Впоследствии доверили бурить там и комсомольско-молодежной бригаде Курбатова Анатолия Ивановича, усилив ее молодыми, но со среднетехническим образованием и быстро набирающими опыт кадрами. На период становления этой бригады в ней стали работать Михаил Стюров - бурильщик, Николай Рыжков - помощник бурильщика, Николай Овчаренко - помощник бурового мастера, Николай Геничев - помощник дизелиста. Меня тоже, как самого молодого дизелиста в экспедиции, перевели в состав бригады Курбатова. За бригадой из состава ИТР закрепили куратора - опытного буровика, начальника ПТО Степана Леонидовича Каталкина.

Там на Самотлоре, в стужу, под минус 50-градусную зиму 1967 года на заключительных работах по вскрытию нефтяных пластов, каротажу и спуску эксплуатационной колонны работали три друга. Анатолий Курбатов руководил действиями вверенной ему бригады. Слаженно и без простоя менялись буровые вахты. Когда мороз зашкаливал за минус 40 градусов, чередовались через четыре часа, но процесс буровых работ не останавливали. Выходящий из скважины теплый раствор не давал замерзнуть оборудованию. Сутки простоя могли стоить возникновению аварийной ситуации, особенно когда вскрыт нефтяной пласт.

Если члены вахт по очереди менялись, могли отдохнуть и выспаться, то буровой мастер (Курбатов), инженер по глинистым растворам (Коломасов) и начальник по производству (Каталкин) сутками бодрствовали и руководили безостановочным процессом заключительных работ по скважине.

Периодически взбадривая себя крепким чаем, ночными партиями шахматных баталий и расписыванием пульки в преферанс, они на финальной стадии заканчивания скважины бурением могли в несколько дней без сна руководить работами и бдиль пульсирующее устье, сдерживая напор и энергию вскрытого нефтяного пласта.

Мне, работая по вахтам, было интересно знать - когда же они спят? Ответ был таков - только после спуска и цементирования эксплуатационной колонны труб - надежной крепи вырывающегося из недр Самотлора джина. Напряженный процесс заключительных работ закончился, люди от усталости падают с ног в натопленных буржуйками вагончиках. У некоторых даже не хватает сил на завтрак в котлопункте, где повар приготовил по случаю завершения скважины сибирские пельмени. Самые стойкие парятся в рубленой по-черному баньке, нахлопывая промерзшие бока пихтовым веничком. На буровой непривычная тишина со слабым тарахтением электростанции. Все окунулось в приятную двухсуточную истому-спячку, кратко называемую буровицкой аббревиатурой ОЗЦ - ожидание затвердевания цемента. За это время буровые вахты готовятся к переезду на другую точку - скважину.

Инженеры-буровики, возвратясь в Мегион, в первый же день обработают и сдают в контору экспедиции документацию и отчеты по законченной скважине, побудут день-другой с семьями и опять в тайгу, поближе к очередным бурящимся скважинам.

Коломасовы - Владимир и Ирина жили через стенку в одном деревянном доме с Каталкиными - Степаном и Неллей. По-соседству жили и Курбатовы - Анатолий и Валентина. У всех по двое малых детей. Дружили семьями, и в радости, и в беде были вместе.

Ирина Дмитриевна и Валентина Феоктистовна преподавали в средней школе соответственно математику и физику, иностранный язык. Нелли Евстафьевна работала товароведом в ОРСе. Трудностей у этих молодых матерей было не меньше чем у их мужей-буровиков. Работа, воспитание детей, топка печи дровами и приготовление пищи, запас воды с цистерны-водовозки или с речки Мега за 200 метров от дома и многие другие житейские проблемы в небольшом на тысячу жителей рабочем поселке.

Со Степаном Леонидовичем Каталкиным я встретился в первый мой день приезда в п. Мегион, в кабинете начальника Мегионской НРЭ Абазарова Владимира Алексеевича. После окончания нефтяного техникума в конце июня 1965 года на представлении перед поступлением на работу напутствие давали Абазаров, Синюткин Модест Федорович (главный геолог экспедиции) и Каталкин. Степан Леонидович, 30-летний крепыш с большими линзами очков по простецки и доходчиво объяснил условия работы и проживания в полевых условиях, пожелал не бояться трудностей и после трёх лет отработки, как молодому специалисту, остаться в геологоразведке и почувствовать себя не временным жителем на Севере, а полноправным хозяином новой родины на всю жизнь.

Степан Каталкин — коренной сибиряк из г. Колпашево Томской области, рождения 16.10. 1934 года. В 1960 году окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина (МИНХ и ГП) по специальности горный инженер. Как и все начинал с помощника бурильщика - верховым на первой скважине Сургута в бригаде мастера Багдасарьянца Николая Андреевича.

Тяжело было в запотевающих очках на высоте 25 метров при пронизывающем осеннем ветре тянуть и ставить за палец полутонные свечи ТБПВ — 127 мм. Первые вахты знатный бурильщик Виктор Лагутин, на чём свет стоит костерил нерасторопного верхового. Со временем Степан пообвык, приноровился и мог с закрытыми глазами работать на слух, ставить и подавать свечи.

В 1962 году при создании Мегионской НРЭ его, уже состоявшегося инженера и семьянина с супругой и сыном Игорем из Сургута направили в Мегион. Работая в сложных полевых условиях, он быстро по карьерной лестнице дошел до начальника экспедиций, сначала Мегиона (1969-72 г.), затем Карской на Ямале (1973-76 г.).

Когда при бурении разведочной скважины Р-6 на Варьеганском месторождении, случился аварийный открытый фонтан нефти, Степан Леонидович технически грамотно руководил работами по глушению, обошлось без человеческих жертв.

При нем в должности главного инженера и начальника Мегионской НРЭ на Самотлоре пробурили около сотни разведочных скважин, подготовили геологические материалы к защите в Государственной комиссии по подсчету запасов нефти и передали в разработку нефтяникам Нефтегазпрому.

Как руководитель крупнейших экспедиций в Главтюменьгеологии, Степан Леонидович не жил одним днем, а на много вперед, на перспективу планировал геологическую, техническую, житейскую (гражданскую) политику своего региона.

Не зря он отлично играл в шахматы, где нужна стратегия на много ходов вперед. Участвовал он и в соревнованиях, не чураясь своей должности. Занимал призовые места. Спортивного разряда у него не было, но уж в силу первого играл точно. За что ни брался, старался быть лидером и дело доводить до конца.

Достойный пример для подражания:

-В поселок Мегион он первый завез личный легковой автомобиль. До этого был один разъездной вездеход ГАЗ-69-«козлик». На своем малиновом «Москвиче-407» по центральной улице Советской, длинной в 500 метров, он катал своего Игорька с ватагой друзей. С десятков, набившихся в салон мальчишек и еще больше желающих покататься бегущих за машиной, по вечерам катал Каталкин. К началу семидесятых годов он пробивал строительство бетонной дороги в 30 километров до районного центра Нижневартовска. Тогда легковые и грузовые машины на Самотлор и Нижневартовск пошли колоннами. Нефтяники начали наступление на Самотлор широким фронтом.

Ну а геологи продолжили выполнять свою задачу — уходили на новые отдаленные от Мегиона и Нижневартовска перспективные площади, где были открыты Варь-Еганское, Урьевское, Поточное и другие месторождения нефти, на базе которых выросли современные города: Радужный, Лангепас, Покачи.

Трио геологов — мавры своего буровицкого дела, сделав его на Самотлоре, ушли снова в разведку, но уже по разным тропам - маршрутам.

Сначала Коломасов в конце шестидесятых годов ушел на повышение главным инженером Сургутской нефтегазразведочной экспедиции. Затем Курбатов, проработав три года в ГДР, осел в Тюмени командиром отряда, а затем в течении двадцати лет главным инженером Тюменской военизированной части по ликвидации открытых нефтяных фонтанов.

Каталкин же передислоцировался в самую северную экспедицию на Ямал — главным инженером Карской нефтегазразведочной экспедиции. С 1980 года он начальник Сургутской НГРЭ, заместитель генерального директора объединения «Обънефтегазгеология».

Куда бы ни бросала их судьба, они были верны геологоразведке и буровицкой дружбе, зарожденной на Самотлоре.

На закате своей производственной деятельности уже будучи в пенсионном возрасте (старше 55 лет) они, продолжая работать, вновь оказались вместе в Сургуте. Вместе продолжали активно, как и в молодости, работать на переднем крае крупнейшего геологического предприятия — Сургутском ордена «Дружбы народов» объединении «Обънефтегазгеология».

Владимир Иосифович Коломасов — начальник отдела бурения, Степан Леонидович Каталкин — заместитель директора института «ЗапСибБурНИПИ», Анатолий Иванович Курбатов — зам. командира военизированного отряда по ликвидации фонтанов. Все так же крепко дружили семьями, став

дедушками учили играть в шахматы внуков, да и сами между собой сыграть партию-другую или расписать пульку в преферанс. Они были старше меня на 10-12 лет, и я продолжал работать с ними в должности главного технолога объединения «Обънефтегазгеология».

Когда подошло время их заслуженного отдыха и выхода на пенсию, они расстались и общались только по телефону. Я же встречал и навещал Степана Каталкина и Владимира Коломасова до самого ухода их из жизни и провожал в последний путь.

Степана Леонидовича похоронили в Сургуте, а Владимира Иосифовича в Санкт-Петербурге в возрасте 72 года.

Анатолию Ивановичу Курбатову, 26.02.2015 года исполнилось восемьдесят лет и он вместе с большой семьей живет в Тюмени. Бывая в Тюмени проездом или участвуя в Тюменском марафоне (беге на 42 км. 195 м.), захожу проведать их к ним домой или в совет ветеранов. О таких людях-первопроходцах Самотлора нужно снимать фильмы, а это только небольшой очерк-сюжет их героического труда по открытию нефтяных месторождений на благо процветающего Тюменского региона и России в целом.

Осенью 1967 года, проработав два с половиной года на Самотлоре, получил хранящийся в сейфе отдела кадров Мегионской НРЭ диплом и вместе с ним повестку из военкомата на призыв в Армию. Так я не успел до Армии поступить в институт, хотя желание учиться в нефтяном ВУЗе было огромное, даже заработанные деньги копил на сберкнижке для учебы. Перед призывом, уже в областном военкомате Тюмени дали неделю для побывки на родину в г. Бугуруслан. Купил матери теплое зимнее пальто с меховым воротником (такого не было в ее жизни), а отцу новый мотороллер "Вятку". На старом еще мы с братом в юности гоняли. Остатки денег — около одной тысячи рублей, что было для них большой суммой при пенсии в шестьдесят у отца и сорок у матери, оставил дома на сохранность для учебы после Армии.

Отец и мужа старших сестер (участники войны) благословили на службу отечеству. Два армейских года в войсках ПВО и СКА (спортроте) города Баку пролетели быстро, и в декабре 1969 года после демобилизации вернулся домой в Бугуруслан.

До поступления в институт оставалось более полугода. Во время службы переписывался с друзьями по совместной жизни и работе в Мегионской геологоразведке, постоянно следил за грандиозными открытиями и бурным развитием Западно-Сибирского нефтегазового региона. Север манил как магнитом, и я перед Новым 1970-ым годом самолетом из Куйбышева через Тюмень, за пол суток долетел до г. Нижневартовска, а там и рукой подать - всего-то 30 километров по бетонке на автобусе до п. Мегион. В Нижневартовске меня удивили первые построенные и заселенные нефтяниками пятиэтажки, а в Мегионе новый дом культуры "Геолог", где я и встретился на Новогоднем балу с коллегами по работе в геологоразведке и повзрослевшими школьниками-выпускниками 1967-69 годов. Многие из них (мои одноклассники) уже учились на 2-4 курсах Тюменского индустриального института и приехали на Новый год к родителям-геологам. Это Владимир и Валя Печерины, Валера Яковлев, Виктор Долгов, Наталья Липковская, Татьяна Матвеева, сестры Вахрушевы — Ольга, Рита и другие.

До Нового года успел оформиться на старое место работы дизелистом в бригаду Семена Лукича Малыгина, получить зимнюю спецодежду и с первого января должен быть в своей родной вахте на Самотлорской буровой.

Однако, за час до Нового года в зал к наряженной елке вбегает с красным носом, слегка поддатый, но не Дед Мороз, а наш начальник цеха бурения Юрий Иванович Романченко и командует: "Военная тревога! Демобилизованный воин, не вставший на учет в военкомате, дизелист Виктор Федотов — «на выход»! Я пообещал партнерше по танцу Татьяне Матвеевой закончить прерванный вальс позднее. Оказалось, что вахта буровиков собралась не в полном составе и ее для отправки на буровую необходимо доукомплектовать дизелистом. У клуба тарахтел поджидавший меня гусеничный вездеход-тягач АТС. На армейской аббревиатуре это артиллерийский тягач средний для буксировки орудия с боевым расчетом из шести человек. Мы называли его семейным, так как кроме механика-водителя в его теплой кабине вмещалась буровая вахта - шесть человек. Я прыгнул в его теплое чрево, где уже в рабочей одежде сидели бурильщик Михаил Павлюченко, помбур Гена Серков и помощник дизелиста Владимир Илькин. Они проявили радостное праздничное ликование по поводу моего возвращения на Самотлор после двухгодичной службы в рядах СА.

По пути заехали в общежитие переодеться в спецовку. До буровой, что находилась на Самотлоре в тридцати километрах от поселка, к двенадцати часам для смены вахт доехать не успели. Без пяти минут бурильщик скомандовал механику-водителю: - «Стоп - машина!» Разлил по четырем кружкам пол-литра спирта и предложил выпить за Новый год. Я воздержался, но чтобы не выглядеть "белой вороной", из своего рюкзака достал бутылку шампанского. Но бурильщик сказал: "кто не выпьет спирт, тот пойдет пешком до буровой".

Трое выпили, а я вылез из теплого тягача, повернул в сторону Мегиона и, сделав марш-бросок в сорокаградусный мороз на двадцать километров, продолжил Новогодний бал в клубе "Геолог". Отрицание, равнодушие, и даже независимость от алкоголя у меня выработалась еще с детства и юности. Отец раз в неделю во время выходных употреблял спиртное, а мы с младшим братом прятались от его шумной ругани под кровать или убегали на улицу. С четырнадцати лет занимался спортом под руководством тренера и в Армию ушел с первым разрядом по лыжным гонкам и вторым в беге.

В Армии выполнил норматив кандидата в мастера спорта по легкой атлетике в беге на средние дистанции (1500, 800 м.).

После Армии спорт решил не бросать и продолжить тренироваться и выступать на соревнованиях при поступлении в институт. В общем считал, что курение и алкоголь - несовместимы с моим увлечением спортом.

Правда, был один случай, приводящий также к отрицанию алкогольных напитков.

В поселке Мегион запасы алкоголя для продажи иссякали обычно перед Новым годом и спирт питьевой этиловый, не замерзающий при хранении в холодном складе, выдавали только по паспортам в день рождения, на свадьбу, рождение малыша и похороны. Весной любители спиртного за десятки километров от поселка с моторных лодок на ходу брали на бордаж первый в навигацию теплоход и затаривались спиртным. В мое двадцатилетие (09.02.1967 г.) геологи-буровики по совместному проживанию в комнате общежития уговорили меня сходить, как юбиляра, за спиртом. Выделили мне на именины две бутылки, что равносильно пяти бутылкам водки. Разлили первую бутылку чистого 96-ти градусного спирта на восемь человек. Меня поздравили, выпили, запивая водой и закусывая тушенкой из металлических банок. За разговорами подошло время второй бутылки. Я вскрыл ножом еще несколько банок тушенки и не заметил, как разлили по стаканам вторую бутылку. Под тосты за буровицкую дружбу на Самотлоре и за тех, кто в поле - на скважинах, выпил спирт и стал запивать водой из второго стакана. Чувствую, что не хватает воздуха и ощущаю спазмы в горле. Едва не задохнувшись, меня вырвало. Оказывается, ребята решили надо мной, непьющим, подшутить и вместо стакана с водой, пока я открывал тушенку, подставили второй стакан со спиртом. Так что пил спирт, запивал спиртом и получил не крещение, а отвращение. Через месяц, в марте, я своих друзей-«собутельников» ответно подколол. На областной спартакиаде геологов, будучи в Тюмени, привез оттуда двадцатилитровую канистру пива - дефицит того времени в северных поселках. Добавил туда две бутылки спирта, благо что в Тюмени он продавался свободно, а не по паспорту.

Прибыл в общежитие поздно вечером, когда все уже спали. Но вопрос задали: "Привез ли пиво?" Тут всем конечно было не до сна.

Кто-то высказал, что пиво слишком крепкое, но я ответил, что свежее и для сохранности бросил туда горбушку черного хлеба. К середине ночи в комнате поднялся шум-гам, запели песни, а некоторые заснув, утром проспали на работу. Сам я конечно к канистре не прикоснулся.

Буровой мастер Семен Лукич Малыгин в Новогоднюю ночь не допустил к работе прибывшую на скважину изрядно подвыпившую и неукомплектованную вахту и отправил их обратно домой. Машинисту-водителю тягача наказал на обратной дороге забрать меня до поселка. Каково же было удивление водителя, не догнавшего меня по дороге и увидевшего только в клубе, вальсировавшего с партнершей вокруг Новогодней елки.

Первого января с родной вахтой, из которой ушел в армию, стал работать дизелистом на скважине, где вскоре после окончания ее бурения испытатели получили первую нефть Белозерского месторождения – спутника Самотлора.

Через три месяца работы дизелистом меня назначили инженером-механиком цеха бурения и я вместе со звеном слесарей-ремонтников на Самотлорских разведочных скважинах ремонтировали и запускали буровое оборудование и перед забуркой передавали его тепленьким бригаде буровиков. Работа по сегодняшним меркам была тяжелейшая. На отдаленных автономных точках в тайге, зимой на замерзших болотах, а летом на небольших сухих участках-гривках стояло многотонное буровое оборудование с сорокаметровой вышкой.

Нас, звено слесарей (5-6 человек), в апреле и до середины мая, вездеходом по еле живым еще зимним дорогам, а в летнее время вертолетом Ми-4, доставляли на мертвую буровую. Первый день обустраивались сами, а затем в течении двух недель ремонтировали и раскручивали – приводили в движение всю буровую установку. С собой везли спецовку, спальники, продукты питания (пищу готовили сами). рацию с маленьким аккумулятором и тяжелые танковые (по 80 кг. каждый) аккумуляторы для запуска дизелей буровой установки.

Дрова для буржуйки заготавливали двуручной пилой и кололи топором.

Ремонтные работы проводили вручную, для подъема применяли небольшую тальку (полиспаст) на треноге. О тракторе или автокране и речи не могло быть. Они появились на буровой только вместе с буровой бригадой перед забуркой скважины.

И все это на открытом, продуваемом Самотлорскими ветрами с озера, воздухе, а летом под мириадами комаров, мошки и полосатых паутов - матросов. На голове накомарник, на плечах сетка Павловского, а спецовка превращалась в серый цвет от сидящих на ней комаров. Обедали под растянутым над спальником марлевым пологом, иначе можно было есть с комарами.

После запуска дизельной электростанции, для чего грели на костре две двухсотлитровые бочки с водой и маслом, можно было производить сварочные работы, а вечером перед сном залезть в спальник и штудировать математику с физикой для подготовки к поступлению в институт. Правда больше часа не выдерживал и засыпал мертвым сном. На ночь, в целях экономии дизтоплива, электростанцию глушили,

да и следить за ее работой не могли, потому что днем каждая пара рук была дорога для выполнения ремонта в назначенный срок — графика бурения, утвержденного руководством экспедиции.

С Михаилом Павлюченко — бурильщиком, с которым у меня произошла новогодняя размолвка ввиду употребления спиртного по пути на Самотлорскую буровую, уже после окончания института через пять лет была совместная работа в бригаде.

Работая помощником бурового мастера (1975-76 г.), зарплату в кассе бухгалтерии экспедиции получал на всю бригаду и выдавал по ведомости под роспись ее членами. Поначалу деньги за Михаила Павлюченко приходила получать его жена-преподаватель в средней школе. Я попросил ее в очередной месяц за получкой прислать супруга. Михаил пришел. Я достал из холодильника запотевшую бутылку спирта и мы выпили с ним по рюмке «за мировую».

После этого случая ни Михаил, ни другие члены нашей буровой бригады Семена Малыгина в рабочее время спиртного не принимали.

VI Самотлорский марафон

Разведка и дальнейшая промышленная эксплуатация Самотлорского месторождения внесли неоценимый вклад в развитие земли Российской.

Сбылись пророческие слова Михайло Ломоносова: «Россия прирастать Сибирью будет!».

Пятидесятилетний юбилей открытия Самотлора, этой «черной жемчужины Югры», можно сравнить с классическим марафоном — бегом на 42 км 195 м. Даже более того - со сверхмарафоном, дистанция которого составляет пятьдесят километров.

Пятьдесят лет развития и становления промышленной эксплуатации нефтегазовых месторождений Западной Сибири — это знаковое событие, веха в истории нашей страны, отмеченная трудом поколений геологов и нефтяников, начинавших свое нелегкое дело с освоения Каспия, разработки месторождений средней полосы России и на базе накопленного опыта продолжающих осваивать залежи углеводородного сырья как на месторождениях, разведанных на всем протяжении от Урала до Якутии, так и на шельфе северных территорий России.

Вспоминается более раннее событие, отмеченное геологами, нефтяниками, газовиками и вообще всеми жителями Югры — пятидесятилетие открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

21 сентября 1953 года на Березовской опорной скважине был получен мощный газовый фонтан, положивший начало более широкому поиску и разведке нефти в Западной Сибири.

Торжественные мероприятия, посвященные 50-летию этого события, прошли в Березово, Тюмени и Ханты-Мансийске 21 сентября 2003 года.

Отмечалась эта дата и во многих других городах, поселках нефтяников и газовиков Югры и Ямала. В Нижневартовске в программу этих мероприятий был включен Самотлорский марафон «Золотая осень» - бег по улицам города на 42 км. 195 м. Пробежав эту дистанцию я, уже с медалью на груди, продолжил бег до 50 км. в честь юбилея.

Этот марафон проводился в двадцать четвертый раз, начиная с 1980 года — года Московской Олимпиады. Первые марафоны проводились со стартом у обелиска на скважине-первооткрывательнице Самотлора Р-1 и финишем на центральной площади Нижневартовска. Последующие проводились со стартом и финишем на стадионе до памятника «Алеше» на развилке дороги на Самотлор.

Жаль, что в последние годы дистанция марафона сократилась до полумарафона (21 км.), проходящего по набережной Оби.

Традиция проведения Самотлорского марафона была заложена клубом любителей бега с одноименным названием — КЛБ «Самотлор» энтузиастами здорового образа жизни: фронтовиком и ветераном труда Мищуком Андреем Федотовичем, Юрием Налобиним, Николаем Кольцовым, Андреем Пясецким, Михаилом Каримовым, Леонидом Перминовым и другими. Их дело продолжили в настоящее время Сергей Заболоцкий и Сергей Еремин. Это все энтузиасты и активные пропагандисты бегового марафонского движения, занимающиеся здоровым образом жизни в свободное от основной работы на производстве время. Неоценимую поддержку в проведении соревнований оказывали тренеры-преподаватели детских спортивных школ, городской комитет по физической культуре и спорту под несменным руководством в течение 25 лет его председателя Клименко Александра Григорьевича.

Вспоминается далекий год открытия Самотлора Мегионскими геологоразведчиками — 1965-ый, когда спортивное движение в Нижневартовском районе только-только зарождалось.

Первый официальный спортивный работник района назначен летом 1965 года — Станислав Кондрашенков. Был образован районный спорткомитет и Станислав стал первым его председателем. Когда я осенью того же года вставал на военный и комсомольский учет, то Кондрашенков назначил меня ответственным за спортивную работу в Мегионской нефтеразведке и в поселке Мегион, выдав удостоверения общественного инструктора и судьи по спорту за №4. До этого я 4 года, учась в Бугурусланском нефтяном техникуме, под руководством тренера занимался спортом и имел вторые разряды по лыжам, легкой атлетике (бегу) и настольному теннису. Также за сборную техникума играл в хоккей с мячом, а летом гонял на гоночном велосипеде. На производственной практике в 16 лет с первой в жизни зарплаты купил гоночный велосипед «чемпион», за что был выгнан отцом из дома. Пожил месяц у старшей сестры и только со второй полочки, которую принес отцу с матерью, вернулся домой.

Семья была большая — всего 10 детей у родителей. На груди у матери Золотая звезда Героини.

Воспитывая детей, рабочий стаж у матери был маленький, соответственно и пенсия — всего 34 рубля, да

у отца — участника Гражданской войны (конармеец легендарной 25 дивизии Чапаева) и Отечественной 1941-45 годов (прошел от Москвы до Берлина) — 60 рублей. Начав работать в геологоразведке, ежемесячно высылал из Мегиона родителям денежные переводы и посылки с тушёнкой и сгущенным молоком.

В начале 1966 года Тюменскую область объявили комсомольской ударной стройкой и в Нижневартовске создали штаб по освоению Самотлора.

От Мегиона в него избрали нашего секретаря комсомола Мегионской нефтеразведочной экспедиции Тамару Симонову и меня — ответственного за спортивную работу. Первое задание мне было — обеспечить спортивным инвентарём п. Мегион. Работал дизелистом в бригаде Семена Лукича Малыгина и меня он ни в какую не отпускал с работы. Перевахтовка была через 4 дня и за 4 дня выходных я не успевал слетать в Тюмень за инвентарём. Помогли друзья по работе и супруга Лукича — Мария Фёдоровна. Отработать за меня по совместительству согласился старший дизелист бригады Владимир Пехота, с которым я жил в одной комнате общежития. А в командировку отправляли от профкома экспедиции, где замом председателя — казначеем работала супруга Малыгина. Я же был членом профкома и возглавлял сектор спортивной работы. Вручили мне под расписку расчетный чек на кругленькую сумму и командировали на восемь дней в Тюмень.

В спортивном магазине Тюмени на углу Одесской и улицы Республики закупил часть спортивного инвентаря, реализуемого в продажу жителям, и загрузил в грузовую машину Газик-51, выделенную мне в Главке. Этого оказалось мало, да и спортивный инвентарь предназначался для массового потребителя. Занимаясь спортом знал, что есть и более качественный спортивный товар, но он предназначался для сборной областных команд и находился на складах и базах и выдавался по разрешению спорткомитетов и администрации города. Тогда я пробился к начальнику штаба комсомольских строек Геннадию Шмалю и секретарю обкома комсомола Пульникову и получил разрешение на отбор самого лучшего инвентаря со складов и баз. Шмаль лично ездил со мной по складам и мы даже загрузили десять пар лыж с Тюменского деревообрабатывающего комбината, изготовленных по специальному заказу и предназначенных для мастеров спорта.

Под завязку вместе с Геной загрузили самолет АН-2 и прямым рейсом с болтанкой, сквозь снегопад и пургу, через пять часов приземлились в Мегионе. Меня, не привыкшего летать самолетами, вывернуло наизнанку и пилоты пустили меня из холодного салона в теплую кабину между собой. Зато лыжники, футболисты, баскетболисты, волейболисты, легкоатлеты, теннисисты, шахматисты и даже конькобежцы и хоккеисты, боксеры и борцы были рады новому инвентарю. Сразу же при школьном небольшом спортзале организовали соответствующие спортивные секции старших школьников, геологоразведчиков, строителей и сельской молодежи. Жить в глухом рабочем поселке стало разнообразней и веселее. А когда в свободное время отдохнешь с пользой для здоровья, а не за стаканом водки или курением, то и поработаешь на славу Самотлора.

Большую работу по организации спорта в Мегионе, да и в районе, проводил единственный преподаватель по физкультуре в Мегионской, сначала семилетней, а с 1965 средней школе Мельников Александр Васильевич. После окончания Владимирского института, вместе с супругой Анастасией Ефимовной — физиком, они в начале 60-х годов приехали учить Мегионских школьников.

Саша — многосторонний спортсмен, перворазрядник по лыжам, баскетболу и Настя — перворазрядница по настольному теннису, сплотили вокруг себя школьную и работающую молодежь поселка. Многие и я от них — старших по возрасту друзей перенял, образованных культурных и ведущих здоровый спортивный образ жизни.

Первый неофициальный марафон на Самотлоре я покорил 50 лет назад осенью 1965 года. Мороз уже в октябре, в безветренную морозную погоду сковал ледяным панцирем водную гладь озера Самотлор.

Я в это время в составе слесарей пуско-наладочной бригады Мегионской НРЭ ремонтировал оборудование буровой установки на скважине первооткрывательнице Самотлора Р-1.

Буровая установка в ожидании более сильных морозов и прокладки зимних дорог, готовилась вышкомонтажниками к перетаскиванию на новую точку — скважину Р-9.

Будучи малолетними пацанами, мы всегда первыми открывали зимний сезон, вставая на коньки по первому хрупкому льду реки Кинель. Старались бегать вдоль берега по мелководью и в случае провала льда, что случалась неоднократно, промокали по пояс и быстро бежали домой, за что получали взбучку от старших сестер.

Вот и на Самотлоре по привычке взял с собой коньки. После работы я за два часа обежал вдоль берега на коньках вокруг озера, имеющего в длину 12, а в ширину 8 километров.

По периметру получился почти целый марафон — 40 километров. Находящийся на скважине топограф Афанасий Бондарь по карте курвиметром подтвердил это расстояние, а с буровой вышки (высотой 41 метр) контролировал мое прохождение дистанции визуально. Вышкомонтажники, буровая вахта бригады Норкина Григория — первооткрывателя Самотлора и мои коллеги слесари-ремонтники были удивлены столь героическим спортивным поступком и признали своим в доску сибиряком, хотя работал в геологоразведке всего четвертый месяц.

Соответствующая физическая подготовка была у меня с детства и юности. Зимой вечерами по три-четыре часа гоняли на коньках-канадках по залитому катку - футбольному полю стадиона, играя в догонялки, казаки-разбойники и другие забавы. Старшие сестры и родители выгоняли с катка нас с младшим братом Володькой за уроки.

С 1980-го года меня, перешедшего в 1977-ом году работать с Самотлора в Сургутское объединение «Обънефтегазгеология», как первооткрывателя месторождения и чемпиона Нижневартовского района по кроссу, ежегодно приглашали туда для участия в беговом марафоне «Золотая осень».

Сначала я пробегал полумарафон (21 километр), а начиная с 1988 года полный классический марафон — 42 километра 195 метров. Неоднократно становился чемпионом в своей возрастной группе, завоевывая призы и медали. Вот и в 2003 году, в год 50-летия нефтегазоносной провинции Западной Сибири, финишировав победителем в возрастной группе старше 50 лет с результатом 3 часа 06 минут и 33 секунды и с медалью на груди, не останавливаясь, продолжил бег. В честь юбилейной даты всего пробежал 50 километров за 3 часа 48 минут и 12 секунд. Это был XXIII Самотлорский марафон «Золотая осень» и мой, пятнадцатый по счету в официальных стартах, марафон (по состоянию на 01.01.2015 на моем счету 56 марафонов)

Начиная с 2007 года Нижневартовский клуб любителей бега «Самотлор» переименовался в КЛБ «Марафонец», но как ни парадоксально, стал проводить не классический марафон на 42 км. 195 м., а полумарафон памяти А.Ф Мищука — 21 км. В последние годы дистанцию пробега снизили до часового бега - «Звездный час». Поредели ряды Нижневартовских марафонцев, которые стали бегать в других городах России и за рубежом, в том числе и в Сургуте. Сургутский марафон 42 км. 195м. был организован энтузиастами здорового образа жизни из местного КЛБ «Барс» в 1999 году, проведен шестнадцатый раз в последнее воскресенье мая 2014 года и находится на подъеме. Члены нашего КЛБ «Барс» отзываются на приглашения КЛБ «Марафонец» и ежегодно приезжают к своим коллегам по бегу участвовать в соревнованиях. Я же после 2006 года, специализируясь в марафонском беге, на более короткую дистанцию в Нижневартовск не приезжал, хотя по местам работы на Самотлоре в Мегионской НГРЭ с 1965 по 1977 год, ощущаю ностальгию.

На торжественные мероприятия, посвященные 50-летию открытия Самотлора, обязательно планирую приехать, даже дал Нижневартовским марафонцам повод для возрождения к юбилею полумарафона памяти А.Ф Мищука, а в будущем гремевшего на всю Россию «Самотлорского марафона».

Наступает период возрождения Самотлора с увеличением ежегодной добычи нефти.

Возродится и былая слава Самотлорского марафона — бега на 42 км 195 м.

Пока бьется «сердце озер» - Самотлор, пока бьются сердца ветеранов и молодых покорителей нефтяного Самотлора, будет продолжаться начатый 50 лет назад марафон — марафон нефтяной, марафон классический — беговой...

Виктор Алексеевич Федотов

САМОТЛОРСКИЙ МАРАФОН

Под редакцией члена Союза журналистов России, писателя - краеведа
Кондряковой Галины Владимировны

Дизайн, набор, верстка - Федотова Елена Викторовна

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО "Прикамье",
618120, Пермский край, г. Оса, ул. К. Маркса, 6а
Тел.: 8 (34291) 4-31-01
e-mail: gusev_a2012@mail.ru

